

Эмма Скотт

**ПЯТЬ
МИНУТ**

жизни

18+

Помни о нас, когда я не смогу...

Freedom. Романтическая проза Эммы Скотт

Эмма Скотт

Пять минут жизни

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Скотт Э.

Пять минут жизни / Э. Скотт — «Эксмо», 2019 — (Freedom.
Романтическая проза Эммы Скотт)

ISBN 978-5-04-110068-1

Он последовал за ней во тьму. Она подарила ему целый мир. Жизнь Теи – пятиминутный, никогда не прекращающийся кошмар. После автомобильной катастрофы девушка страдает от тяжелой формы амнезии. Она помнит все, что произошло до трагедии. Но совершенно не помнит, что было после. Каждые пять минут для нее начинается новая жизнь. Запертая в своем сознании, Тея задает бесконечные вопросы о том, что случилось. Джим – сирота. Он вырос без любви и поддержки, скитаясь из одной приемной семьи в другую. Когда Джим встречает неизлечимо больную Тею, девушка становится для него смыслом существования. Чтобы выбраться из плена «пяти минут», Тея начинает принимать экспериментальное лекарство. Однако то, что казалось спасением, может обернуться новой бедой. Но Джим не собирается сдаваться. Только не в этот раз. Он будет биться за Тею до последнего, чтобы вырвать ее из мрака забвения...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-110068-1

© Скотт Э., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Плейлист	6
Посвящение	7
Часть I	8
Пролог	8
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	45
Глава 7	50
Глава 8	54
Глава 9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эмма Скотт

Пять минут жизни

Одна из лучших книг, которую я когда-либо читал.
Т. М. Фрейзер, автор бестселлеров New York Times

Emma Scott
A Five-Minute Life

Copyright © 2019 Emma Scott

© Музыкантова Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Плейлист

Trampoline by SHAED
Sweet Child O' Mine by Guns N' Roses
Bury a friend by Billie Eilish
Bad Romance by Lady Gaga
Black by Pearl Jam
I Will Follow You Into the Dark by Death Cab for Cutie
Dreamer by LP
Tidal Wave by Portugal. The Man
We Are Young by Fun. (feat. Janelle Monáe)
BOOM by X Ambassadors
Good Riddance (Time of Your Life) by Green Day
Beloved by Mumford & Sons
Times Like These by the Foo Fighters

Посвящение

Мелиссе. Ты значишь для меня больше, чем я могу выразить словами,
ведь ты все для Иззи...

И

Моей дорогой Талии.
Твой свет способен озарить самую темную из комнат...

Часть I

Пролог Тея

Ричмонд, Вирджиния, два года назад

Голос моей сестры эхом донесся из прихожей:

– Тея, поехали уже!

– Иду, – крикнула я, сидя в своей старой спальне в доме наших родителей.

Я приезжала к ним на лето и превратила свою бывшую комнату во временную художественную студию, с брезентом на полу и огромным холстом на мольберте у окна. Делия ныла, что я дома всего три дня, и уже вся перепачкалась красками, а ведь мне еще идти к ней на выпускной? Но не рисовать три дня для меня все равно что не есть и не дышать.

За моей спиной по «Нетфликсу» показывают «Офис», лучший в мире сериал. Я каждую серию по сто раз пересмотрела. Мама предполагала, что я так им одержима, потому что сериал похож на меня: смешной, честный и шутки сыпятся в самые неподходящие моменты. Что ж, виновна по всем пунктам.

Я убрала прядь светлых волос с глаз и вытерла руки о льняной халат. Фиолетовые и оранжевые мазки добавились к полосам желтого и темно-синего цвета. Обычно я использовала не только кисти, но и свои пальцы. Папа любил дразнить, мол, я как начала рисовать пальцами в детстве, так и не смогла остановиться.

Брезент зашуршал под моими босыми ногами, когда я отступила, чтобы оценить холст. Египетская пирамида отбрасывала темную тень на золотой песок пустыни в лучах заходящего солнца.

Мой взгляд переместился на фотографию, сделанную мною во время нашей семейной поездки в Гизу прошлым летом. Я не знала, что в этих проклятых пирамидах – или истории Египта вообще – так меня очаровало, но я просто помешалась на этой теме. Огромные гробницы были ошеломляющими. Египтяне заполнили их комнаты всем, что может понадобиться фараону в загробной жизни.

Словно он не умер, а просто ненадолго отлучился.

– Как в путешествии, – пробормотала я.

– Алтея, спускайся сейчас же! – заорала Делия. – Мы же опоздаем!

– Мы при всем желании не опоздаем, ведь ты потребовала выехать за три часа до начала! – крикнула я в ответ.

Затем склонила голову к своей работе, и мои губы сами собой растянулись в улыбке. Я всегда позволяла картине самой решать, когда работа над ней завершена, и эта как раз закончилась. Цвета и формы отображали величие пирамиды, красоту пустыни и необъятность неба над головой именно так, как я хотела.

Я сняла халат. Под ним на мне было розовое шелковое платье. Быстрый осмотр выявил лишь несколько брызг краски на подоле.

Голос Делии снова подхлестнул меня.

– Я знаю, что мой выпускной ничего для тебя не значит...

– Тея, дорогая, – позвала мама, мягко вклиниваясь в разговор. – Пожалуйста, спускайся.

Я последний раз взглянула на картину и улыбнулась.

– Ничего вышло, – сказала я самой себе.

– Тея, богом клянусь...

– Да иду я! – Я выключила телевизор и шумно спустилась по лестнице. – Действительно давайте поспешим, а то вдруг нам придется сидеть несколько часов и ждать начала.

Наши родители – Сандра и Линден – уже переоделись в элегантные наряды и ждали меня вместе с Делией. Сестра была в темно-синей выпускной мантии. Она пригладила выбившуюся прядь своих темных волос до плеч и смерила меня полным презрения взглядом, пока я запикивала ноги в туфли на низком каблуке, которые она заставила меня надеть по случаю.

– Мой выпускной, мне и решать, когда выезжаем, – заявила Делия. – И что на тебе такое?

– Каблуки, – ответила я. – Но лишь потому, что ты меня вынудила.

– Я про платье. Оно все в краске.

– Всего пара капелек. Придают изюминку наряду.

Делия закатила глаза.

– Ты грязная. Как всегда. Удивительно, что хоть волосы расчесала.

– Ну сегодня же суббота. – Я подмигнула папе.

Он подмигнул в ответ.

– Идем, милые. Туда добираться час. Если выедем сейчас, то прибудем на место... – Сделал вид, будто сверяется с часами. – Да, сильно заранее.

Делия со свистом втянула воздух, переходя в свой печально знаменитый деловой режим.

– Знаю, по-вашему, я чокнутая, но вы мне еще спасибо скажете, когда не придется судорожно искать место для парковки. Народу ожидается много, и я беспокоюсь, что мы опоздаем.

– Ты? Беспокоишься? Да ладно.

– Боже, ты хоть раз в жизни можешь отнестись к чему-то серьезно? – спросила Делия, оборачиваясь ко мне. – Перестань шутить. И когда церемония начнется, не смей устраивать сцен и позорить меня.

Я невинно моргнула.

– Ты о чем?

Она подарила мне Смертоносный Взгляд Делии.

– Ты знаешь, о чем я. Ничего неуместного.

– С тобой не повеселишься.

– Зато ты отрываешься за нас обеих.

– Верно.

Моя сестра – самый дисциплинированный человек в мире, а вот я вечно жила одним днем. Папа любил шутить, что касаясь нашего родства ему приходится верить маме на слово.

– У нас еще есть время сфотографироваться, – заявила мама, готовя свой мобильный. – Девочки, станьте поближе друг к другу. Ты тоже, Линден.

– Мам, ты должна быть в кадре, – сказала я. – Возьми мой телефон. Там есть таймер.

Я кинулась вперед, открыла приложение и положила телефон на полку напротив лестницы. Затем обнялась с моими самыми любимыми людьми в мире.

– У нас десять секунд, – сказала я с улыбкой. – Все говорим «чииз».

Телефон щелкнул. Мама взяла его с полки и проверила изображение.

– Отлично. Вы обе прекрасно выглядите. – Ее глаза наполнились слезами, когда она повернула экран к нашему отцу. – Ну разве они не красавицы?

Папа кивнул и обнял Делию за плечи.

– Мы так гордимся тобой, дорогая. – Он посмотрел на меня и подмигнул мне. – Тобой тоже, горошек.

Мне двадцать один год, а папа по-прежнему называет меня горошком. Я надеялась, что он никогда не перестанет это делать.

Я обняла Делию.

– Я тоже тобой горжусь, сестренка. Произносить речь на выпускном вечере в Университете Вирджинии!.. А ты крутая!

– Спасибо, Тея, – сказала Делия с теплой улыбкой, которую приберегала для особых случаев. Затем она прочистила горло и вернулась в свой деловой режим. – Может, уже поедем?

– Да, да. – Папа снял ключи от машины с крючка на стене и широко распахнул входную дверь. – Дамы.

Мы направились к двери; мои ноги уже ныли из-за этих глупых туфель. У кого-то зазвонил телефон.

– Это у меня, – сказала Делия, роясь в сумочке. Она прочитала сообщение и стиснула зубы. – Родители Роджера его кинули. Опять. Нужно его подбросить.

– Они не пойдут на выпускной? – переспросила я. – Боже, вот же уроды.

Найсы жили в нескольких кварталах от нас, в доме, похожем на наш, на такой же прекрасной улице, но с тем же успехом они могли жить на Луне, настолько отличались от наших мамы и папы. Мы с Делией росли, окруженные неизменной любовью и поддержкой родителей, и у нас в голове не укладывалось, как Найсы могут вечно наплеватьски относиться к собственному сыну.

– Без проблем, – сказал папа. – Мы можем его забрать.

Делия взяла ключи от своей машины.

– Нет, я отвезу его сама. А вы, ребята, поезжайте.

– Дорогая, нам хватит времени за ним заскочить.

Она покачала головой.

– Вы знаете, каков Роджер. Он от стыда сгорит. Лучше я его отвезу.

Делия заметила, как мы обменялись любопытными взглядами, как делали всегда, когда она упоминала Роджера. Ребята клялись, что всего лишь друзья, но были неразлучны еще с детского сада. Только Роджер мог выбить мою сестру из ее жесткого графика. Их дружба была одной из тех немногих вещей, которые выявляли ее более мягкую сторону.

– Слушайте, – начала Делия. – Поездка с нами только заставит Роджера чувствовать себя еще хуже. Ему придется наблюдать за тем, как мама и папа прекрасно общаются, и это через несколько минут после того, как собственные родители в который раз его подвели.

– Ну если ты так считаешь, – протянул папа.

– Именно так я и считаю. – Делия поцеловала его в щеку, обняла маму и похлопала меня по голове. – Ведите себя хорошо, – напутствовала она. – Встретимся на месте. Езжайте не спеша, но не теряйте времени.

Она бросила на нас последний строгий взгляд, а затем пронеслась мимо прямиком в теплый майский вечер. Ее отглаженная мантия хлопала вокруг туфель на низком каблучке, что отбивали по асфальту барабанную дробь, словно бы говоря «Все. Прочь. С моего. Пути».

– Отлично, – сказала я. – Теперь мы можем остановиться и перехватить по кусочку пиццы.

Мама пригладила свои светлые, уже тронутые сединой кудри.

– Думаю, один из лучших подарков, который мы можем преподнести твоей сестре на выпускной, – это быть на месте к ее приезду.

– Подождите. – Я стащила туфли и схватила с подставки для обуви у двери свои желтые сандалии.

– Тея, ты же обещала, – укорила мама.

– Эй, я пообещала надеть это скучное платье. Одобренная Делией обувь в контракт не входила. Она ни о чем и не узнает, пока не станет слишком поздно.

Мы забрались в серебряный «Кадиллак» отца. Мама устроилась впереди, я села за ней, и мы отправились в путь из Ричмонда в Шарлоттсвилль, штат Вирджиния. Виды были ошеломляющими – зеленые холмы и деревья под безоблачным голубым небом. Я любила свой родной

штат, но не собиралась в нем оставаться. Как только закончу Школу искусств в следующем году, сразу потащу свою задницу прямиком в Нью-Йорк.

– Как насчет музыки? – спросила я с заднего сиденья.

– Восемь секунд тишины, – отметил папа. – Новый рекорд.

– Музыка – это жизнь, – сказала я, смеясь. – Сразу после живописи. И «Офиса». И пиццы.

– Никакой пиццы. – Папа покрутил радио, пока не нашел мою любимую станцию, и машину заполнили звуки «Bad Romance». – Хорошо?

– С Леди Гагой не может быть плохо.

Папа ухмыльнулся.

– Поверю на слово.

Я подпрыгивала в такт песне, насколько мне позволял ремень безопасности, пока мама не убавила громкость.

– Бедняга Роджер, – сказала она. – О чем вообще думают его родители?

– Мне интересно, о чем думает Делия, – заметил папа и посмотрел на меня через зеркало заднего вида. – Вы, часом, не ведете душевные разговоры по-сестрински? Они не встречаются?

– Понятия не имею, – ответила я. – Ты же знаешь, какова Делия. Себе на уме. Никогда ничего мне не рассказывает.

Мама изогнулась, чтобы посмотреть на меня.

– А что насчет тебя самой? Никакого парня на горизонте?

– Тогда бы я вам его представила, – сказала я. – А ни один из тех парней, с которыми я встречалась за последнее время, этого не достоин. Они считают, что я «забавная», и не хотят заводить со мной ничего серьезного. Или, может быть, я не хочу ничего серьезного с ними. Может быть, я и не способна на серьезное.

– Я уверена, что это не так, дорогая, – сказала мама.

– Делия бы с тобой поспорила.

– Я люблю твою сестру, но иногда она перегибает.

– Честно говоря, мне очень хочется влюбиться, но, полагаю, торопить события глупо. Это случится, когда случится. Я встречу того самого парня. Такого, о ком просто не смогу перестать думать. И когда мои чувства к нему найдут отражение в моем искусстве, я пойму, что он единственный.

– Мудрая философия, – заметил папа.

– Кстати, об искусстве, – подхватила мама, – как продвигается твоя последняя картина?

– Уже готова. Я закончила как раз в тот момент, когда Делия уже собиралась рвать и метать.

– Прекрасно, мне не терпится ее увидеть. – Мама шлепнула меня по колену тыльной стороной ладони. – Ты и твои пирамиды.

– Ага. – Я засмеялась. – Если когда-нибудь стану знаменитой, Египет будет моей фишкой. Как автопортреты у Кало или похожие на вагины цветы у О'Киф.

– Тея. – Папа усмехнулся.

– Я не утверждаю, что я вторая Фрида или Джорджия...

– Ты бы так не сказала, потому что ты слишком скромная, – перебила мама. – Но, как твоя мать, я имею право хвастаться, что ты ничуть не уступаешь великим.

– Это твоя святая обязанность как моей матери, – отозвалась я. – Но все равно спасибо, мам. Ты лучше всех. Я...

– Боже! – закричал отец.

Мама начала поворачиваться.

– Что?..

Вспышка бледно-голубого ослепительного хрома.

Ужасающий, оглушительный грохот. Он отдался в моих костях. В моих зубах. Он эхом пронесся через капот, через лобовое стекло.

Он все нарастал, нарастал и нарастал, разрывая нас, пока не осталось ничего.

Глава 1

Джим

Красно-белый знак «Сдается» бросился в глаза даже через визор моего шлема. Я замедлил свой «Харлей», встал у обочины и поднял стекло.

За шатким забором на клочке сухой травы примостился крошечный домик площадью, вероятно, не более девятисот квадратных футов. Цементная дорожка, ведущая к двери, потрескалась. Одна ступенька крыльца покосилась. Белая краска на стенах облупилась.

Маленький, простой и дешевый.

Отлично.

Я снял шлем, вытащил телефон из черной кожаной куртки и набрал номер.

Это просто чертов телефонный звонок, подумал я, глубоко вдыхая. Соберись, тряпка.

Ответил мужчина.

– Да.

Вдох. Выдох.

– Я звоню по поводу аренды дома в Бунс-Милл?

Ни разу не заикнулся. Даже на «м» в Милл. Незначительная, но победа.

– Хорошо, – сказал мужик. – Шестьсот пятьдесят в месяц. Коммунальные услуги включены, но не вода. Никаких домашних животных. Хотите посмотреть дом? Я могу подъехать через пять минут.

– У меня собеседование в санатории «Голубой хребет», – пояснил я. – Если получу работу, то вернусь через несколько часов. Тогда и посмотрю.

Мужик вздохнул.

– Так зачем звонить мне сейчас?

– Не хочу, чтобы кто-нибудь перехватил дом.

Он усмехнулся сквозь отчетливый звук выдоха сигаретного дыма – наполовину кашель, наполовину смех.

– Сынок, ты первый, кто вообще позвонил за последний месяц. Думаю, тебе ничего не грозит. – Затяжка. – Собираешься работать в «Голубом хребте»? Со всеми этими психами и шлепнутыми?

Я крепче сжал телефон. Вот урод.

– Просто не сдавайте никому дом, хорошо?

– Конечно-конечно. Придержу его, специально для тебя.

– Спасибо, – пробормотал я, повесил трубку и уронил руку.

Мужик был прав – никто не позарился на его дерьмовый домик, кроме меня. Телефонный звонок был тренировкой перед собеседованием в санатории. Я в шесть утра выехал сюда из Ричмонда и не хотел, чтобы мой интервьюер был первым, с кем придется разговаривать.

Насмешливый голос бывшей приемной матери зазвенел в голове.

«Как будто это поможет, дубина. Ты завалишь это собеседование, сам знаешь».

– Заткнись, Дорис, – пробормотал я.

Из всех приемных семей, у которых мне приходилось жить с рождения, под ее опекой, если это можно так назвать, я находился с десяти до восемнадцати лет. В двадцать четыре ее насмешливый голос все еще не оставлял меня в покое. Я больше не заикался в каждой фразе, но изъян все равно прятался у меня под языком и неизменно вылезал, когда я злился. Или нервничал.

Как, например, сейчас, перед собеседованием.

Когда мне было двенадцать, врачи назвали мое заикание психологическим расстройством: скорее реакцией на травмирующее событие, чем физиологической проблемой в мозгу.

– Реакция? – с усмешкой переспросила Дорис в кабинете врача. – То есть он не может говорить нормально из-за проблем в голове? Пфф. Да он просто дурачок. А это лишнее тому доказательство.

Доктор напрягся.

– Имелись ли недавно травмирующие инциденты?

– Конечно, нет, – отрезала Дорис, а я хотел развязать наконец онемевший язык и крикнуть, что да, кое-что случилось. Как раз неделей раньше умер дедушка Джек.

Технически отец Дорис не был моим настоящим дедушкой, но он уделял мне куда больше внимания, чем кто-либо когда-либо, пока меня пинали из дома в дом, действуя в рамках системы усыновления Южной Каролины. Джек брал меня на озеро Мюррей ловить рыбу. Покупал мне мороженое и совал леденцы мне в руку после обеда.

– Не говори своей матери, – всегда повторял он.

Мать. Дорис набирала приемных детей за деньги, а не по доброте душевной. И уж назвать ее матерью язык не поворачивался. Как у такого человека, как Джек, выросла такая дочь, как Дорис, я никогда не узнаю. Он был добрым. Ерошил мне волосы вместо того, чтобы щипать меня, и никогда не называл меня глупым. Когда он умер, то забрал с собой единственный кусочек счастья, который у меня был за мои двенадцать несчастных лет.

Стоя рядом с Дорис в похоронном бюро, глядя на гроб, я заплакал. Дорис оттащила меня в боковую комнату, ее пальцы вонзились в мою кожу как когти. Она с силой меня встряхнула.

– Не смей о нем плакать, слышишь меня? Он не был твоей семьей.

– Он... он был дедушкой Дж-Джеком, – сказал я, мои рыдания разбивали слова на части.

– Никакой он тебе не дедушка. – Темные глаза Дорис вперились в мои, будто она накладывала на меня какое-то проклятие. – Больше не смей говорить о нем как о родственнике. Он был моим отцом. Моим родным. А ты – не мой. Ты всего лишь чек, что приходит по почте каждый месяц, так что перестань плакать.

Я перестал.

Я втянул в себя боль и похоронил глубоко в душе. Все, что я хотел сказать дедушке Джеку, застряло где-то за зубами. Горе заполнило мой мозг, свело челюсть и вызвало заикание, обеспечив долгие годы мучений от школьных хулиганов и еще больше зла со стороны женщины, которая должна была обо мне заботиться.

Дорис никогда не водила меня к логопеду или на какое-либо другое лечение. Лишь в седьмом классе я получил помощь. Моя учительница, миссис Маррен, пожалела меня и прочла кое-что про заикание. Она не была специалистом, но нашла несколько дыхательных техник, которые помогли мне осиливать хотя бы одно предложение за раз.

«Вдохни мысль, выдохни слова. Легко и просто, Джеймс.

Вдох. Выдох.

Попробуй петь. Иногда музыка может помочь вывести слова наружу».

Я вдохнул воспоминания о Южной Каролине и выдохнул нынешний Бунс-Милл, штат Вирджиния. Все мои надежды сосредоточились на дерьмовом домике и собеседовании.

Я снова надел шлем, завел мотоцикл и отправился в путь. Через пятнадцать минут я был в Саус-Хиллс, недалеко от Роанока. На юго-западе под ясным летним небом спали горы Голубого хребта. Я двинулся по извилистой двухполосной дороге по холмистой местности, окруженной яркими зелеными папоротниками и высокими деревьями. Слева от меня появилась старинная вывеска с вычурными буквами: «Санаторий «Голубой хребет», основан в 1891 году».

Ниже был воткнут знак поновее, с более яркой краской: «Специализация: длительное лечение черепно-мозговых травм, памяти и реабилитация».

Психи и шлепнутые, как сказал арендатор. Я мысленно показал ему средний палец. Все мы в той или иной мере психи и шлепнутые. Просто некоторые лучше это скрывают. А некоторые вообще делают сокрытие данного факта целью своей жизни.

Я ехал по дорожке, пока не достиг высокой каменной стены, которая простиралась далеко по обе стороны и исчезала в лесу. Грозное строение нарушали только широкие металлические ворота с охраной в небольшой сторожке. Я свернул к ним.

– Джим Уилан, – представился я. – На собеседование.

Человек в светло-серой форме со значком на груди сверился с планшетом.

– Уилан... Да. Вам надо к Алонзо Уотерсу. Первый этаж. Спросите на стойке регистрации, там подскажут. Парковка для посетителей слева.

– Спасибо.

Ворота с металлическим скрежетом раздвинулись, и я поехал по асфальтированной дороге. Еще через сто ярдов я добрался до санатория «Голубой хребет».

Высокий дом выглядел как усадьба плантатора, коей, вероятно, и являлся до 1891 года. Прочный трехэтажный особняк из красного кирпича с белой отделкой, со стороны фасада четыре белые колонны.

Я свернул к пустой парковке для посетителей и оставил там «Харлей». Тишину нарушал только гул насекомых во влажном воздухе. Никто не прогуливался по дорожкам и не сидел на каменных скамьях вдоль них.

На выкрашенной в черный цвет старой деревянной двери коробка домофона смотрелась довольно неуместно. Я нажал красную кнопку.

Ответил женский голос.

– Чем могу вам помочь?

– Я Джим Уилан, прибыл к мистеру Уотерсу.

Дверь загудела и щелкнула. Я повернул ручку и вошел в прохладные пределы санатория. Паркетные полы окружали стойку регистрации. Запах чистящих средств облаком висел над запахом старого дерева. Кондиционер делил пространство стены с картиной, где маслом была нарисована ваза с фруктами. Казалось, что санаторий застыл где-то на полпути между усадьбой и медицинским учреждением. Возможно, в этом и заключался смысл: дать пациентам ощущение, что они находятся дома, а не в больнице.

Женщина средних лет с темными волосами, собранными в хвост, помахала мне рукой. Она носила ту же форму, что и охранник в кабинке, только ее именная табличка гласила «Джулс». Женщина беззастенчиво меня рассматривала.

– Ну привет, красавчик. Кого ты хотел бы увидеть?

– Алонзо Уотерса.

Ее глаза расширились.

– Ты пришел наниматься санитаром?

Я кивнул.

– Хм. Как скажешь. По мне, ты не особо похож на санитаря. Скорее уж, на сексуального доктора из какого-нибудь сериала.

Я не ответил на ее улыбку, просто стоял, скрестив руки на груди и твердо расставив ноги, и ждал, пока она закончит свой отвратительный осмотр.

– Сильный, молчаливый, – тихо рассмеялась Джулс, все еще бродя по мне взглядом. – Что ж, от души надеюсь, ты получишь работу. Отличное зрелище для усталых глаз. Плюс у нас нехватка санитаров с тех пор, как двое последних уехали из города.

Хорошо. Раз в санатории туго с персоналом, они наверняка меня наймут и попросят как можно скорее приступить к работе.

– Что, не хочешь поболтать? – Джулс тяжело вздохнула. – Ладно, ладно. Алонзо сейчас в столовой, иди в те двойные двери. Не промахнешься.

– Спасибо, – сказал я и зашагал в указанном направлении.

– Ах, он все-таки умеет разговаривать! Удачи, красавчик.

Я почувствовал, как взгляд Джулс сверлит мне спину, и невольно передернулся.

В столовой были белые полы и стены с высокими окнами, в которые лилось яркое июльское солнце. Десяток квадратных столов, каждый рассчитан на четверых. Человек с видимой вмятиной в голове размером с подстаканник сидел с медсестрой у окна и медленно ел суп. Когда я вошел, мужчина пристально взгляделся в меня.

Я посмотрел ему в глаза и почтительно кивнул. Он вскинул брови, затем хмыкнул и вернулся к своему супу.

За небольшой витриной с выпечкой и салатами стояла полная женщина в белой форме повара. За ней в высоких серебристых кофейниках дымился кофе. Она разговаривала с чернокожим мужчиной, где-то за шестьдесят, с тронутыми сединой волосами. На нем была белая рубашка с короткими рукавами, заправленная в белые же брюки. Черный пояс, черные ботинки. Огромное кольцо с ключами позвякивало на его талии.

Я подошел ближе, и повариха повернула голову ко мне.

– Вам чем-то помочь?

Мужчина обернулся.

– Должно быть, ты Джим Уилан, – сказал он.

Я кивнул и протянул ему руку.

– Алонзо Уотерс, – представился он, оценивая меня. – Хочешь быть санитаром, а?

– Да, сэр.

– Резюме принес?

Я вытащил из кармана куртки две сложенные вчетверо бумажки.

– Да, сэр.

– Сэр, – со смехом повторил Алонзо. – Слыхала, Марджерри?

Она закатила глаза.

– Не слишком-то привыкай.

– Давай сядем и поговорим. – Алонзо подвел меня к пустому столу и устроился напротив меня. – Кофе?

– Нет, спасибо.

– Тоже пытаюсь пить его поменьше. – Алонзо просмотрел мое резюме. – Двадцать четыре года. Окончил Вебстер-Хай, Южная Каролина. Сразу отправился работать в клинику Ричмонда, где и трудился в течение шести лет?

– Да, сэр.

– Почему ты ушел? Или тебя уволили?

– Клиника закрылась. – Я прочистил горло и указал на резюме. – Там на обороте рекомендательное письмо.

– О, точно, вот оно. – Алонзо откинулся назад и прочитал письмо от моего бывшего руководителя. – Ого. Здесь говорится, что ты был «образцовым сотрудником» и он хотел бы, чтобы у него было десять таких же ребят, как ты. – Он сложил руки на животе и посмотрел на меня. – Неплохо, неплохо. Та клиника работала с наркоманами. Как ты там справлялся?

– Нормально.

– А подробнее не хочешь рассказать?

«Не облажайся. Просто говори».

– Я всегда приходил вовремя. Ни дня не пропустил.

Я выдохнул. Ни разу не заикнулся, причем во фразах, где были пять моих худших врагов из числа согласных. «Д», «н», «м», «с» и «ф» всегда доставляли мне трудности, но звук «д» был просто королем их всех. Мое заикание на имени Дорис сводило ее с ума, поэтому она вечно била меня по затылку: «Да говори уже дальше, придурок».

– А как насчет взаимодействия с пациентами?

– Я не особо с ними общался, – ответил я. – Просто делал свою работу.

– Когда-нибудь имел дело со случаями черепно-мозговой травмы?

Я покачал головой.

– Я сам работал во всевозможных учреждениях, – сказал Алонзо. – И в реабилитации наркоманов тоже. Так что скажу по опыту: эти травмы головного мозга – совсем другая история. Наркоманы, по сути, все еще остаются собой. Здесь же не всегда так. У нас в «Голубом хребте» двадцать семь резидентов. – Он постучал по лбу. – Тебе придется изучить их истории болезни. Как правильно с ними разговаривать. Одно-единственное неверное слово может сбить их с толку или привести к срыву. Справишься?

– Думаю, да.

В клинике мне почти не приходилось говорить, за что мне и нравилась та работа. Но решив участвовать в уходе за пациентами в «Голубом хребте», я пытался пробудить свою давнюю мечту – помогать таким детям, как я, с нарушениями речи. Детям, что чувствовали себя глупыми и мучились каждую чертову минуту своей жизни. Мое заикание породило во мне эту мечту, но она умерла вместе с ним.

Кто захочет, чтобы его заикающийся ребенок лечился у заикающегося терапевта?

«Да никто, дубина», – услужливо подсказала Дорис.

– Вопреки местным слухам, – говорил Алонзо, – это не психиатрическая клиника. Никто из резидентов – резидентов, а не пациентов – не попал к нам из-за расстройств психики. Они все здесь из-за травм. В основном несчастные случаи. И все страдают от неизлечимого повреждения головного мозга. Наша работа – помочь им приспособиться к их новой реальности.

– Хорошо.

Алонзо откинулся на спинку стула, сложив руки на животе.

– Почему ты хочешь работать здесь, сынок?

Тысяча профессиональных, но неискренних ответов готовы были сорваться с моего языка, но... застряли.

Я медленно вдохнул и выдохнул правду.

– Я хочу помогать.

Алонзо прищурился, затем посмотрел на мое резюме.

– Ты довольно основательно закопался в той клинике. Чувствовал себя как дома?

«Сделал ее своим домом».

– Почему не пошел в колледж? Хочешь убирать за больными всю оставшуюся жизнь?

Я пожал плечами.

Он поджал губы.

– А ты неразговорчивый парень.

– Да.

– К счастью для тебя, болтливые сотрудники раздражают меня больше всего. – Он протянул руку. – Шутки в сторону, в этом письме говорится, что если я тебя не возьму, то я идиот. Джим Уилан, ты принят.

Я облегченно вздохнул и пожал ему руку.

– Спасибо, сэр.

– Зови меня «сэр» только перед Марджерри, – подмигнул он. – В остальных случаях достаточно просто Алонзо. Я дружелюбный парень, но заправляю сложным заведением. У нас тут куча дополнительных правил вдобавок к основным, лишь бы обеспечить жильцам безопасность и комфорт. Нарушение их – это билет в один конец. Ты понял?

– Да, сэр.

– Тогда все в порядке. – Алонзо поднялся на ноги, и я последовал его примеру. – Давай подпишем документы, и выходишь в понедельник утром. В семь часов утра. Нормально?

Я кивнул.

– Я присмотрел дом в Бунс-Милл. Перееду на этих выходных.

– Хорошо, – сказал Алонзо. – Мне нужно, чтобы ты закрыл время завтрака, обеда, физических упражнений и послеобеденного отдыха. Будешь учиться прямо по ситуации. Мы потеряли двух парней одновременно, поэтому мне нужно, чтобы ты схватывал на лету.

– Сделаю все возможное.

Я подписал документы, и мы попрощались.

– В понедельник, в семь утра, – повторил Алонзо. – Ровно.

Я вернулся в фойе. Джулс покинула стойку регистрации, но помещение не было пустым.

Девушка с волнистыми светлыми волосами стояла у стены, изучая картину рядом с кондиционером. Незнакомка была ниже моих шести футов на целых пять дюймов. Стройная. В бесформенных брюках цвета хаки, простой бежевой рубашке и лоферах.

Она оглянулась, когда мои шаги эхом отозвались в фойе. Большие голубые глаза на лице, напоминающем по форме сердце, уставились на меня. Улыбка расцвела на полных губах и осветила ее тонкие черты, а мой чертов пульс зачастил.

– Красиво, не правда ли? – кивнула она на картину. – Как солнце падает на изгиб яблока.

Как подсвечивает виноград.

Я подошел и встал рядом с ней.

– Как по мне, просто фрукты.

Она рассмеялась.

– Это и есть фрукты. Суть фруктов. Великолепная отсылка к чему-то настолько простому. Свет, раскрывающий жизнь внутри.

– Ты будто знаешь, о чем говоришь.

– Мне нравится так думать. Я художница. – Ее кристально-голубые глаза, окаймленные темными ресницами, посмотрели в мои. – Ты первый человек, кого я вижу. Как тебя зовут?

– Джим. Джим Уилан.

– Тея Хьюз. Рада познакомиться. – Она взяла мою руку и от души трянула. – У тебя добрые глаза, Джим Уилан.

«А ты чертовски потрясающая, Тея Хьюз».

Она указала на картину.

– Но ты небольшой фанат живописи?

Я пожал плечами.

– Тогда что у тебя за любимый яд, образно говоря?

– Музыка, – ответил я. – Я люблю музыку.

Боже, я говорил как идиот. Я – и люблю музыку. Но утонченное лицо Теи просияло еще ярче.

– О черт, я обожаю музыку. – Она засмеялась. – Живопись – мое пристрастие, а музыка – это жизнь. Ты играешь?

– У меня есть гитара... – признался я, а остальные слова умерли на моих губах. Я не собирался говорить ей, что иногда еще и пел. Да ни за что.

– Обожаю гитару, – сказала Тея. – Ты какую музыку любишь?

Я потер затылок, пожал плечами.

– Не знаю. В основном рок. Guns N'Roses. Foo Fighters. Pearl Jam.

Тея склонила голову.

– Забавно, не знаю таких.

– Ты никогда не слышала Guns N'Roses?

Она нахмурилась.

– На самом деле, не знаю... А должна? – Затем Тея игриво шлепнула меня по руке. – Не стыди меня, Джеймс. Я технодевушка. Вот... мои коронные движения припадочной курицы.

Она ритмично задергала головой, и из меня вырвался смешок. Я бы не удивился, если бы вместе с ним вылетело облако пыли и моли. Я позавидовал тому, как легко и непринужденно Тея держится. Никаких сомнений.

Она та, кто она есть.

– Джим?

Я моргнул.

– Ты пялишься.

А как иначе?

– Впрочем, не могу тебя винить, – добавила она, а затем закрыла глаза рукой. – Боже, это прозвучало так эгоист... ски. Эгоистично? Так правильно? – Тея рассмеялась. – В смысле, я вечно из всего делаю спектакль. Ну или так всегда говорит моя сестра.

– Ты танцуешь, будто никто не смотрит, даже когда люди за тобой наблюдают, – сказал я.

– Надеюсь, это не упрек за мои безумные танцевальные навыки?

– Нет, – заверил я. Мне еще никогда не приходилось вести столь непринужденную беседу. Я говорил так же легко, как она танцевала. Без колебаний. – Что ты рисуешь? – Я подумал. – Миски с фруктами?

Она послала мне хитрый, игривый взгляд.

– А сам как думаешь?

Я пожал плечами, сунул руки в карманы.

– Если предположить... я бы сказал, что-то масштабное. Возможно, Большой каньон. А еще ты используешь много цветов.

– Что-то большое и красочное, а? – Она сплела пальцы за спиной. – А с чего ты так решил?

– Не знаю. Что-то в тебе подсказало.

Прозвучало как реплика из дурного фильма, но от правды не спрячешься. Мы всего несколько минут стояли рядом, а я уже ощущал масштаб личности Теи.

– Что ж, ты достаточно близко попал, – сказала она. – Я в основном рисую Египет. Пирамиды, Клеопатра, Нил. Это моя фишка.

Я кивнул.

– Было такое ощущение.

– А ты? – Наши глаза встретились, и ее улыбка стала личной. Только для меня. – У меня тоже есть на твой счет пара ощущений, Джим Уилан.

Мое сердце затрепетало.

– Да?

– Да. Снаружи ты подобен неприступной кирпичной стене с лицом кинозвезды и в дерзкой черной кожаной куртке. Внутри? Ты глубокий, как Большой каньон. – Ее брови с любопытством поднялись. – Я попала?

Я пожал плечами.

– Я... я не знаю...

– А еще ты часто пожимаешь плечами, – указала она. – Не делай так. Твои мысли не ерунда.

Наши глаза снова встретились, и кирпичная стена, которую я выстроил, чтобы обезопасить себя, оказалась бесполезной против Теи. Несущественной. Я должен был снова ее увидеть, даже если это означает, что она услышит мое заикание.

Почему-то мне казалось, что Тею Хьюз оно не озаботит.

– Ты кого-то здесь навещаешь? – спросил я.

Улыбка Теи застыла.

– Здесь?

– Да. Я только что переехал в город, и я был...

– Моя сестра. Она придет сюда. – Ее тонкие брови нахмурились, смятение затуманило кристально-голубые глаза. – И мои родители. Они вот-вот приедут.

– Хорошо. – Вдох. Выдох. – Я хотел спросить, ты не хотела бы?..

– Сколько уже прошло? – Тея обхватила себя руками и огляделась, как будто впервые увидела это помещение. Ее дыхание стало частым. – Я не знаю это место. – Ее взгляд метнулся ко мне. – Сколько уже прошло?

– Сколько... – Я моргнул. – Я не знаю...

– Кто ты? – Глаза Теи широко распахнулись, и их светлые глубины наполнились паникой. – Сколько уже прошло?

Она что, хотела узнать время? Я было потянулся проверить свои часы, а потом до меня дошло. Словно ведро холодной воды загасило крошечное мерцающее пламя между нами.

«Ох, блин, вот ты осел. Она пациентка».

– Сколько уже прошло? – взвизгнула Тея, ее голос эхом отозвался в фойе.

– Я не знаю... – Я запнулся, ощущая, как частит мой собственный пульс.

Она сделала шаг прочь от меня.

– Они работают над моим случаем, – сказала Тея. – Доктора. Я попала в аварию. Сколько уже прошло?

Я оглядел пустое фойе в поисках помощи.

– Я... я не...

– Мисс Хьюз, вот вы где.

Я обернулся и увидел маленькую женщину в бледно-голубой форме медсестры, с темными волосами. Она быстро шла по коридору. Какое облегчение. Медсестра бросила на меня любопытный взгляд и нежно взяла Тею за руку.

– Кажется, мисс Хьюз всегда находит дорогу к входной двери.

Тея посмотрела широко раскрытыми глазами на медсестру, чей бейджик гласил: «Рита».

– Сколько уже прошло?

– Два года, мисс Хьюз, – ответила Рита. – Врачи работают над вашим случаем.

– Верно, – сказала Тея, глубоко вздохнув и сжимая руку Риты. – Они выяснят, что со мной не так.

Рита улыбнулась и кивнула на полотно.

– Прекрасная картина, не так ли?

Тея расслабилась, и ее улыбка начала возвращаться.

– Невероятная. Посмотрите, как свет сияет над изгибом яблока. – Она повернулась ко мне. – Разве это не красиво?

Я ошалело кивнул.

– Да. Чудесно.

Она просияла и протянула мне руку.

– Здравствуй. Я Тея Хьюз.

– Джим Уилан, – пробормотал я. Моя рука поднялась сама по себе, словно отдельно от тела.

Что, черт возьми, происходит?

Тея крепко тряхнула мою руку.

– Приятно познакомиться, Джим.

Рита прочистила горло.

– Вы, должно быть, наш новый санитар?

– Начинаю в понедельник.

– Я Рита Сото. – Ее улыбка была теплой. – Добро пожаловать в «Голубой хребет». –

Она хмуро кивнула на пустую стойку. – Вижу, Джулс еще на перекуре. Спасибо, что составили компанию мисс Хьюз.

– Конечно, – сказал я, не в силах больше смотреть на Тею; мои глаза болели. – Я лучше пойду.

– Пока, Джим, – крикнула мне вслед Тея. – Мы еще когда-нибудь увидимся?

Я остановился. Это был именно тот вопрос, который я был готов ей задать.

«Вот ты и получил свой ответ, дубина, – захихикала Дорис в моей голове. – Ты будешь видеть ее каждый день».

Каждый. День.

Глава 2

Джим

Я провел выходные в арендованном грузовике, отмотав три часа между моей маленькой дерьмовой квартирой в Ричмонде и дерьмовым маленьким домом, который я снял на Бунс-Милл. После успешного собеседования в санатории Джордж Хамметт – мой новый арендодатель – практически бросил мне ключи из кабины своего грузовика, а затем побыстрее смылся, пока я не передумал.

Ему не о чем было беспокоиться. Мне много не надо. Дом был изрядно потрепан, но вполне годился для жизни. За два дня распаковки и уборки мне удалось не думать о Тее Хьюз в общей сложности целых восемь минут.

Твою мать. Она резидент.

Резидент.

Глупо было с моей стороны этого не увидеть. Следовало присмотреться внимательнее.

Какой у нее диагноз?

Может, что-то незначительное.

Может быть, она поправлялась...

Затем слова Алонзо прогремели в моей голове: все страдают от неизлечимого повреждения головного мозга. Наша работа – помочь им приспособиться к их новой реальности.

Тея Хьюз не выздоравливала и не собиралась поправляться, и я тоже должен был к этому приспособиться. Она – резидент санатория. Я – санитар, чья обязанность о ней заботиться. Конец истории.

Конец нашей истории.

Я взял свое влечение к ней – влечение, которого никогда не чувствовал ни к одной девушке, – и положил на полку рядом с мечтой стать логопедом.

В воскресенье вечером я разогрел замороженный ужин в старой микроволновке моего нового дома. После этого взял гитару и тихо заиграл Guns N'Roses «Sweet Child O'Mine», чтобы соседи не услышали. Я пел о глазах, похожих на голубое небо, принадлежащих девушке, что источала тепло и безопасность.

Она резидент.

Я убрал гитару.

Позже я лежал в своей кровати, слушая, как сверчки распеваются с приближением лета, и читал свою потрепанную копию «Бойцовского клуба». Мои пальцы переворачивали страницы, которые я видел уже сто раз, и тусклый свет заставлял шрамы на костяшках поблескивать на фоне загорелой кожи. Шрамы остались от бесчисленных боев в течение бесконечных школьных дней. Дней, когда саундтреком моей жизни были издевательские голоса и грохот металлического забора во дворе, где меня всегда загоняли в угол.

Я старательно прятал свое разбитое лицо от Дорис, когда приходил домой, но она всегда об этом узнавала.

– Что случилось на этот раз?

– Н-н-ничего...

– Выкладывай, дубина здоровая!

И я стал здоровым. Большим. Сильным. Начал качаться и побеждать в каждой драке. К выпускному классу никто не смел со мной связываться. Включая Дорис. Я съехал из ее дома в ту же минуту, как мне исполнилось восемнадцать, и ни разу не оглянулся.

Шрамы на моих костяшках были орденами, которые я заслужил, равно как и прекращение насмешек. Но он все еще жил у меня в голове – ядовитый голос той, кто должен был приглядывать за мной, а вместо этого мучил меня.

«Сам за собой следи. Не высовывайся. Делай свою работу».

Тея Хьюз, подумал я с болью в груди, так и останется просто частью моей работы. Я смогу присматривать и за ней.

* * *

Я появился в санатории в 6:45 утра.

– Рада, что ты в команде, – сказала Джулс, подмигивая мне. – Очень рада.

– А где комната отдыха? – спросил я.

Она со вздохом закатила глаза.

– С тобой не повеселишься. Там, вторая дверь слева.

Комната отдыха сотрудников представляла собой несколько запирающихся шкафчиков, раскладной столик и мужские и женские уборные. Белая униформа, состоящая из брюк и рубашки с коротким рукавом, ждала меня в открытом шкафчике вместе с моим бейджиком.

Только я застегнул рубашку, в комнату отдыха вошел жилистый парень лет тридцати, с шапкой каштановых волос и дружелюбными темными глазами.

– Слишком рано для этого дерьма, да? – Смеясь, он протянул мне руку. – Хоакин Рейес. Ты, должно быть, новенький.

– Джим Уилан, – представился я, пожимая ему руку.

– Рад знакомству, Джим. Алонзо приедет через несколько часов. Пойдем проведем тебе экскурсию. Где что находится, где что хранится.

– Отличный план.

Хоакин водил меня по зданию, шутил и флиртовал с медсестрами, которые попадались нам на пути. Я был готов за любым углом встретить Тею Хьюз, но не увидел ее.

Пока Хоакин носился по санаторию, как будто здесь и родился, я мысленно составлял карту: комнаты резидентов и медсестер на верхнем этаже.

Лечебные кабинеты и помещение с лекарствами на втором.

Комната отдыха персонала, кладовая, кафетерий и комната отдыха резидентов на первом.

«Голубой хребет» был намного больше, чем мне показалось снаружи. Пристройки для резидентов отличались более свежей краской и решетками на окнах. Как и решетка вокруг поста медсестер, и еще одна, отрезающая палаты резидентов от нижних этажей.

– Воспринимай их как ограждения для детей, – сказал Хоакин. – Большинство резидентов ничего не помнят и могут забрести напрямик на улицу, если не побережемся.

– У них амнезия? – спросил я, мысленно устремляясь к Тее.

– У кого-то легче, у кого-то хуже, – пояснил Хоакин, спускаясь по лестнице. – Но Алонзо меня порвет, если скажу больше. Он отвечает за обучение новых сотрудников, объясняет, как разговаривать с резидентами, чтобы их не испугать.

– Да, он говорил, – отозвался я, вспоминая панику Теи, когда не смог ответить на ее вопрос, сколько прошло времени.

Мы прибыли на первый этаж, где Хоакин отпер дверь в уборную.

– Раз в месяц появляется директор заведения. И все мы должны быть паиньками. Приходят врачи. – Он выкатил швабру и ведро. – Из Роанока приезжают нейропсихологи для обхода. Всякие специалисты. Некоторые из них приличные, но большинство на санитаров даже не смотрят. Если есть сомнения, просто держись от них подальше.

Я кивнул.

Хоакин вложил ручку швабры мне в ладонь.

– А ты не болтун, да? Но телефон-то есть? Если нет, у нас тут где-то валяются старые пейджеры.

– У меня есть телефон.

– Забьем тебе все номера. Никогда не выключай телефон. У нас всегда не хватает рук. Постоянно что-то случается. Смены могут быть изнурительными. Поздними. Ночными.

– Я на дневной.

Хоакин ухмыльнулся.

– Технически да. В итоге тебе придется брать по крайней мере несколько ночных смен, новичок. Обед сорок пять минут, если тебя не вызывают к резиденту, а, как я уже сказал, нам не хватает рук. Пятнадцатиминутный перерыв каждые четыре часа. Ты куришь?

– Нет.

– Посмотрим, как долго продержишься. Санитары в других учреждениях не занимаются уборкой, но здесь дело обстоит иначе. Мы люди многофункциональные. – Он толкнул мне швабру и ведро. – Вымой кафетерий, сейчас же. Потом приберешься в комнате отдыха и поможешь контролировать ЗСВ.

– ЗСВ?

– Занятия на свежем воздухе. Медицинское название обычных прогулок. Те резиденты, кто в состоянии, гуляют по окрестностям. Обычно каждого сопровождает медсестра, но с ними у нас тоже дефицит. Так что либо санитар помогает, либо все отменяется.

– То есть никто не выходит?

– Не нагнетай. Обычно выходят. А иной раз это просто невозможно. – Он посмотрел на меня. – Ты, наверное, пересмотрел «Пролетая над гнездом кукушки». Это хорошее место. Со всеми обращаются хорошо. Финансирование не ахти какое, но лучше, чем в больнице. Или в психушке. Понял?

– Понял.

Хоакин прищурился.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре.

– Семья есть?

– Нет.

Он наклонился.

– Ладно, слушай. В этой работе можно застрять. Знаю, сам тебе сказал, что проблем много, так и есть. Главным образом потому, что порядочных сотрудников, которые не лажают, не так-то просто сохранить. Но те, кто остаются, как я и Алонзо, мы склонны застревать. Я приехал сюда на летнюю подработку. Это было восемь лет назад. Так вот, не застревай на этой горе.

Он ударил меня по плечу и оставил мыть пол кафетерия. Завтрак закончился, и комната была пуста. Один, выписывая шваброй восьмерки на линолеуме, я крутил его слова в голове.

«Не застревай на этой горе».

Застреть я умел лучше всего. Я бы, наверное, остался на своей последней работе навсегда, если бы ее не закрыли. Я не хотел многого от мира. Просто место, где я мог бы работать и помогать людям. И никто бы меня не беспокоил.

Перспектива застрять на этой горе совсем не пугала.

* * *

Пока резиденты обедали, я убрал три комнаты. В каждой имелись собственная ванная комната и однотипные кровать, шкаф, небольшой комод, стол и стул под окном.

Все двери запирались снаружи.

Я встретил Алонзо внизу, в комнате отдыха резидентов, что состояла из кабинета медсестер, дюжины маленьких столиков, телевизора на стене, полка с играми и головоломками и

кладовой в задней части. Алонзо держал под мышкой стопку папок с файлами и приветствовал меня одобрительным взглядом.

– Хоакин говорит, ты быстро учишься, – заметил он. – Давай присядем.

Мы заняли стол в углу, откуда можно было видеть все пространство. Присутствовал только один резидент – пожилой мужчина с вмятиной на голове. Он медленно и кропотливо собирал пазл, пока его помощник беседовал с дежурной медсестрой.

– Ты должен познакомиться с резидентами, – начал Алонзо. – Это Ричард Уэбб. Мистер Уэбб для тебя и меня.

Я кивнул.

– К каждому приписана своя медсестра. Большинство медсестер работают с несколькими резидентами, поэтому время от времени мы им помогаем. Но осторожно. Держись дружелюбно, но не болтай. – Он приподнял бровь. – Что-то мне подсказывает, с тобой у меня такой проблемы не возникнет.

Дверь в комнату отдыха открылась. Я оглянулся и узнал медсестру, которую встретил вчера, Риту Сото.

Рядом с ней шла Тея Хьюз.

На ней были бесформенные бежевые штаны, простая рубашка и лоферы, но она ослепляла своей красотой. Настоящее произведение искусства, пусть и завернутое в бумажный пакет. Светлые волосы ниспадали ей на плечи мягкими волнами, и она оглядывала комнату отдыха яркими, хотя и нерешительными глазами.

Рита подвела Тею к столу и положила перед ней бумагу и цветные ручки. Через несколько секунд Тея уже всю рисовала. Как ребенок, убивающий время после школы.

– Это мисс Хьюз, – сказал Алонзо, постукивая ручкой по папкам. – Из всех наших резидентов она нуждается в наибольшей заботе. А значит, у нее больше всего правил.

Я оторвал от нее взгляд и заставил свой голос звучать нейтрально.

– Что с ней не так?

– Всего лишь один из худших зарегистрированных случаев амнезии в истории.

Я посмотрел на Алонзо.

– Вы уверены?

Алонзо усмехнулся.

– Уверен ли я? Такого у меня еще не спрашивали. Но я тебя понимаю. Мисс Хьюз молода и красива и выглядит здоровой, но это не так.

Он перебрал свои файлы, пока не нашел нужный, открыл и зачитал тихим голосом:

– Алтея Рене Хьюз, двадцать три года. Два года назад попала в аварию, когда ехала с родителями. Пьяный водитель влетел на своем пикапе прямо в них, лобовое столкновение. Родители погибли на месте. Мисс Хьюз срочно доставили в госпиталь генерала Ричмонда, где она провела две недели в коме. Они лечили ее от перелома руки, ключицы, бедра и внутренних повреждений. Но худший удар приняла ее голова.

Я сглотнул.

– Что произошло?

Алонзо прочитал из ее истории болезни:

– «Катастрофическое повреждение головного мозга, полученное в результате автомобильной аварии, с внутричерепным кровоизлиянием и повышенным внутричерепным давлением, что привело к повреждению гиппокампа». – Он поднял взгляд. – Если по-человечески: ее долговременная и кратковременная память полетели к чертям. У нее нет воспоминаний о жизни до аварии и нет воспоминаний о ее нынешней жизни.

– Что вы имеете в виду? Нет памяти вообще?

– Только семантическая память: она запоминает фактическую информацию, такую как слова, понятия, числа. Она все еще знает, как мыть лицо, пользоваться вилок, надевать

одежду. Но у нее нет эпизодической памяти. Нет личного опыта, событий или подробностей о людях или местах. То есть она знает, что такое собака, но не может сказать, имелся ли у нее питомец хоть когда-то в жизни. Остались какие-то фрагменты по истории Египта, равно как и способности к рисованию, но она не может сказать вам, где всему этому научилась.

– Ладно, – медленно сказал я. – Но она знает, что с ней происходит? Она знает о... – Я обвел жестом комнату.

– Где она? Что с ней случилось? Чем занималась пять минут назад? Нет. У нее всего несколько минут сознания, а затем приходится начинать все сначала. Она перезагружается.

– Перезагружается?

– Да, когда ее время истекает, память, так сказать, стирается. Мы называем это перезагрузкой.

Да он смеется надо мной. Как можно выжить, когда памяти на несколько минут?

– Это безумие.

– Звучит так, но такова ее правда. Сам услышишь. Она говорит то же самое, задает одни и те же вопросы каждые несколько минут. Весь день. День за днем. И так уже два года.

«Сколько уже прошло?»

Это была перезагрузка Теи. Я застал ее вчера.

– Она не сильно отклоняется от своего сценария, если только не рисует. Или если с ней говорят, – продолжил Алонзо. – Тогда она продержится еще несколько минут. Но стоит подумать: «Эй, да с этой девчонкой все в порядке. Почему она здесь?» Бум. Перезагрузка.

– Что происходит?

– Она делает паузу и теряет сознание. Затем сценарий запускается снова. Когда она впервые попала к нам и произошла перезагрузка, у мисс Хьюз случился припадок. Как небольшой приступ. Теперь у нее припадки, только когда ее что-то расстраивает. Вот почему мы держим ее в строгой рутине, и ты должен знать, как с ней разговаривать, чтобы не сбить.

«Поздно».

– И что у нее остается, когда происходит перезагрузка?

– Она знает, что произошел несчастный случай. Знает, что пострадала, и что-то происходит с мозгом, и доктора работают над ее случаем. Это все, что ей нужно знать. Она под опекой своей старшей сестры, Делии. Та следит за мисс Хьюз и настоятельно не рекомендует нам рассказывать ей, что их родители не выжили. Не надо ее расстраивать. Даже если через несколько минут она этого не вспомнит.

Я нахмурился, пытаюсь сосредоточиться на состоянии Теи.

– Но... если Тея...

– Мисс Хьюз, – поправил Алонзо. – Всегда мисс Хьюз.

– Если она ест или принимает душ и происходит перезагрузка, как мисс Хьюз реагирует?

– Плывет по течению, – ответил Алонзо. – Мозг – сложный механизм, но его основная функция – выживание. Как говорят доктора, память мисс Хьюз сбрасывается, но она продолжает спокойно существовать, потому что находится в этом учреждении и учреждение не меняется. Спокойствие – наша главная цель. И раз уж ты вдруг разболтался, урок первый: вот ты подходишь к мисс Хьюз – и что ты говоришь?

«Мне жаль. Мне до черта жаль, что с тобой такое случилось».

– Н-не знаю, о чем вы.

– Большинство скажет: привет, Тея. Как сегодня поживаешь?

– Ну и я так скажу.

– Ответ неверный. Три огромных промаха в одном предложении. Первый: раз ты обращаешься к ней по имени, то знаешь ее, а она тебя нет, и это ее расстраивает. Всех резидентов называть строго по фамилиям. Это еще и вежливо.

Я кивнул.

– Второй: никогда не спрашивай, как она поживает. Она не знает. Понятия не имеет, как должна себя чувствовать в те несколько минут, что прошли с ее пробуждения, поэтому не спрашивай.

С ее пробуждения. У меня все в голове не укладывалось, как можно жить, оставаясь в себе всего несколько минут.

– Третье, – заключил Алонзо, – никаких «сегодня», «этим днем», «добрый вечер» или «с Рождеством». Она не отличает один день от другого, одну минуту от другой. Никакого чувства времени. Когда она спрашивает «сколько уже прошло?», то имеет в виду – с ее аварии.

– Два года, – пробормотал я.

– Да, – кивнул Алонзо. – И заверь ее, что врачи работают над ее случаем. Не более того. Если она говорит с тобой, слушай. Если возникли проблемы, перенаправь ее на то, что она делает. Например, рисование. Она может поддерживать разговор дольше, чем несколько минут, если занята. Но стоит отвлечься – бац. Сброс. Все понял?

Я кивнул, но мое выражение лица, должно быть, меня выдало.

Алонзо откинулся на спинку стула.

– Выкладывай.

– Как она может так жить?

– Довольно счастливо. Спокойно. Могло быть и хуже. У одного парня в Англии память всего на сорок пять секунд. Мисс Хьюз может продержаться семь минут до перезагрузки, но редко.

– Как такое возможно?

Он постучал пальцем по голове за ухом.

– Если грузовик вломится тебе прямо в серое вещество, узнаешь. – Поймав мой острый взгляд, Алонзо поднял руки. – Я не хочу показаться бесчувственным ублюдком, но именно так все и случилось. Наша работа не в том, чтобы обдумывать это или жалеть мисс Хьюз. Мы не убеждаем себя, что с ней все в порядке, раз она хорошо выглядит. У нее неизлечимое повреждение мозга, но мисс Хьюз не страдает. Она не знает, чего не знает. Наша работа – заботиться о ней и сохранять ее спокойствие. Понял?

У меня на языке крутились тысячи вопросов, и я не мог выбрать ни одного. Я вспомнил наш вчерашний разговор. Лучший, что у меня был за долгие годы, но потом... он испарился. Стерся. А Тея – мисс Хьюз – живет всего по несколько минут за раз. Уже два года.

Алонзо уставился на меня.

– Знаю, это трудно принять, сынок, но такова реальность. – Он коснулся папки с файлами. – Давай дальше. У нас еще двадцать пять резидентов.

Мы вернулись к работе, просматривали дела, но я едва мог сосредоточиться, пока Тея сидела позади меня. Желание поговорить с ней скручивало меня, как голод кишки. Я ни с кем не общался, а теперь хотел сесть напротив нее и узнать, не страдает ли она. Счастлива ли она?

«Не глупи. Это не твое дело. Выполняй свою работу».

Покончив с вводной, Алонзо вышел покурить. Мистер Уэбб и его медсестра ушли, поэтому я убрал его пазл. А сам продолжал украдкой поглядывать на Тею.

Она улыбалась, пока работала. Возможно, Алонзо прав. Возможно, амнезия Теи удерживала ее от ужасающей реальности. Она не знала, чего не знала.

Но что, если все же знает?

Тея подняла глаза и подарила мне вежливую дружелюбную улыбку. Затем все ее лицо застыло. Я тоже застыл, глядя, как она перезагружается. Ее ясные голубые глаза затуманились, и она наклонилась ко мне со своего места.

– Сколько уже прошло?

Я оглянулся в поисках Риты, но единственным другим человеком в комнате отдыха была дежурная медсестра, что смотрела сериал по маленькому телевизору на ее столе.

Я сделал шаг к Тее.

– Сколько?..

– Два года, м-м-мисс Хьюз.

Черт, вот оно, вылезло.

Тея, похоже, не заметила заикания. Она кивнула, ее сторбленные плечи снова опустились.

– Я попала в аварию. Вы первый человек, кого я вижу с тех пор, как очнулась.

Я сделал еще один шаг к ней. Вдох-выдох.

– Очнулась?

– Я была без сознания в течение двух лет. Но я очнулась, и врачи работают над моим случаем. – Она посмотрела на мою табличку с именем. Джим.

– Джим Уилан, – подсказал я.

«У меня тоже есть на твой счет пара ощущений, Джим Уилан».

Я молча пожелал, чтобы Тея вспомнила, чтобы ее глаза засияли от узнавания. Чтобы ее улыбка стала теплой, чтобы в ее памяти всплыл наш разговор.

Тея протянула руку.

– Приятно познакомиться, Джим Уилан. Я Тея Хьюз.

Глава 3

Джим

Она представилась мне уже три раза.

«Три из будущих сотен, если не тысяч. Ее мозг поврежден. Она не вспомнит тебя каким-то чудесным образом».

Трудно было поверить, что амнезия настолько сильна, когда сама Тея казалась яркой и полной жизни. Я вспомнил инструкцию Алонзо перенаправлять ее после перезагрузки и посмотрел на рисунок. Она изобразила пирамиду. При ближайшем рассмотрении оказалось, что та состоит из одних только слов. Строк, написанных шариковой ручкой и закрашенных маркерами.

– А рисунок действительно хорош, – заметил я. – Более чем хорош.

– Спасибо, – ответила Тея, хмурясь. – Все хорошо, но чего-то не хватает. Он какой-то...

– Маленький.

Она криво улыбнулась.

– Вы искусствовед, Джим Уилан?

– Н-н-нет, я просто имел в виду...

– Да я шучу, – вздохнула она и повернулась к своему рисунку. – Он правда маленький. Вот бы у меня был холст размером со стену. И краски, чтобы хватило на несколько месяцев.

– Именно это я и имел в виду, – сказал я, все еще неловко стоя над ней. – Твой талант больше, чем бумага и ручки. Размером с Большой каньон.

Я надеялся, что она уловит намек на вчерашнюю беседу, но Тея покраснела и игриво улыбнулась.

– Ладно, беру свои слова обратно. Можешь критиковать мое искусство сколько хочешь.

На миг я снова увидел глубины личности Теи Хьюз. Мили вместо минут.

– Джим?

– Да?

– Ты пялишься.

– Прости.

– Все нормально. Я не против, чтобы ты на меня смотрел. У тебя хорошие глаза.

«Дежавю, доведенное до гребаного абсолюта».

Я почувствовал, как моя кожа стала горячей, и перенаправил свои мысли подальше от нее. Я чуть наклонился, чтобы прочитать одну из цепочек слов, составляющих склон пирамиды.

Схвачен похоронен похоронен рожден порван траур стон один одинок одинок одинок одинокий одинокий

– Что это значит? – спросил я, постукивая пальцем по словам. – Если ты не возражаешь...

Тея всмотрелась в рисунок, словно слова были ей чужды.

– Я не знаю. Я написала их до аварии. Два года назад.

– Ты нарисовала это два года назад? – Я чувствовал, что балансирую на грани, проверяю пределы ее понимания и, возможно, раздражаю ее. Она кивнула.

– Похоже, да. Но теперь, когда я вернулась, то могу ее закончить.

– Хорошо.

Тея нахмурилась и заправила прядь светлых волос за ухо, словно озадаченная своими собственными словами.

– Звучит странно, не правда ли? Я так давно отсутствовала.

– Так уж получилось.

Тея благодарно улыбнулась.

– Легко сказать. Я чувствую, будто...

– Что?

– Будто есть что-то большее, но всякий раз, когда я пытаюсь вспомнить больше, ничего нет. Я даже не помню, как я попала сюда, за этот стол. К тебе.

У меня не было слов, которые могли бы ей помочь. Я сам едва понимал ее ситуацию.

– Но я знаю, врачи работают над моим случаем, – заверила Тея. – Пусть они голову ломают. Я же просто рада, что вернулась.

– Я тоже.

Улыбка Теи стала еще ярче, и она снова взяла шариковую ручку.

– Расскажи мне о себе, Джим. И сядь, бога ради. Ты нависаешь.

Я оглянулся, нет ли рядом Алонзо, но он еще не вернулся. Я сел напротив Теи, говоря себе, что просто делаю свою работу.

– Так лучше, – просияла Тея. – Чем ты занимаешься?

– Я санитар.

– Да? А где?

Алонзо меня на части порвет – надо ж было облажаться с Теей через несколько секунд после того, как он объяснил мне, чего говорить нельзя. Возрастающая тревога вызвала чертовое заикание.

– В санатории «Г-г-голубой хребет».

Дерьмо.

Тея резко посмотрела на меня, затем ее взгляд смягчился.

– У тебя есть заикание, Джим?

Никто годами меня не спрашивал, так хорошо я скрывал изъян. Унижение вонзило в меня свои когти, пока я старался глубоко дышать.

– Иногда. Вылезает, когда нервничаю. Или злюсь.

– Ну сейчас ты вроде не злишься. – Ее брови поднялись, а улыбка стала хитрой. – Я заставляю тебя нервничать?

«Боже, она что, флиртовала со мной?»

Тея похлопала меня по руке.

– Не переживай. Я не кусаюсь... сильно.

Вспышка тепла на коже там, где она коснулась меня своими мягкими пальцами, быстро превратилась в волну, пронесшуюся по руке, позвоночнику, вплоть до паха.

«Ради всего святого, она резидент».

Я осторожно убрал руку.

– Я где-то слышала эту фразу. Наверное, в каком-то фильме. – Она склонила голову. – А ты мало говоришь.

– Немного.

– Из-за заикания?

Я кивнул.

– Сестра утверждает, я вообще не затыкаюсь. – Она рассмеялась и пожала плечами. – Виновата. Я говорю, что думаю, ведь жизнь так коротка, верно?

Теперь Тея наклонилась ближе ко мне. От ее теплой кожи доносился запах простого мыла.

– Я просто хочу набраться смелости и сказать: у меня такое чувство, что заикание далеко не самое интересное в тебе, Джим Уилан.

Я уставился на нее в ответ. Никто никогда не говорил мне ничего подобного. Эта девушка настоящий магнит – притягивала меня, хотя мне следовало держать профессиональную дистанцию. Она была чертовски прямолинейна, но улыбалась мне, будто между нами имелся секрет, который знали только мы. Она была здесь, но в любую минуту могла исчезнуть.

И словно этот момент никогда не случался.

Я прочистил горло.

– Я бы не назвал заикание интересным.

Тея оперлась подбородком на руку.

– Тяжело было с ним расти?

– Да уж.

– Прости. Тебе, вероятно, не хочется о нем говорить. Я просто подняла эту тему, потому что мне все равно.

– Все равно?

– Что ты заикаешься. У всех нас есть недостатки, верно?

– Да, – сказал я. – У всех.

– Не давай заиканию мешать тебе говорить со мной. Мне нравится с тобой болтать, Джим.

– Мне тоже нравится болтать с тобой, Тея.

Ее имя пришло на язык так легко. Вдох, а затем мягкий выдох. Без усилий. Без заикания.

Мгновение стало теплым и долгим, а затем разбилось, как стекло, когда дверь позади меня открылась. Тея посмотрела туда, и ее красивая улыбка исчезла. Выражение лица стало пустым, все тело застыло, руки слегка задрожали. Шариковая ручка выпала из пальцев и покати́лась к краю стола. Когда она упала на пол, Тея вдруг пришла в себя, и на ее лице появилась ликующая улыбка.

– Делия! – Она вскочила со стула и побежала мимо меня.

Я выпустил воздух, застрявший в моих легких, и поднялся на ноги. С медсестрой Ритой вошла женщина в темно-синем костюме, с темными волосами, стянутыми в строгий пучок. Тея обняла женщину за шею, чуть не сбив ее с ног. Делия плотно сжала губы. Посмотрела на меня через плечо сестры, и я быстро нагнулся поднять ручку с пола.

– Ты здесь, – сказала Тея. – Я так рада тебя видеть. Сколько уже прошло? Где мама и папа?

– Прошло два года, – ответила Делия. – Мама и папа уже в пути. – Ее тон был усталым, как будто она отвечала на эти вопросы уже тысячу раз. Вероятно, так и есть.

– Давай сядем, – предложила Делия, пододвигая сестру к столу.

Я застыл, ожидая, что Тея увидит меня и вспомнит наш разговор. Она должна была вспомнить. Ни у кого не может быть такой ужасной амнезии. Алонзо наплел мне кучу дерьма. Подшутил над новичком. Посвящение для всех новых санитаров.

В конце концов Тея оторвала взгляд от своей сестры и вежливо посмотрела на меня.

– О, привет, – сказала она, и ее взгляд устремился на табличку с моим именем. – Джим? Это моя сестра Делия.

Я лишь молча смотрел в ответ.

Прошло. Все прошло.

Так же, как наш разговор в фойе. Пропал. Как будто его никогда не было.

Делия прочистила горло, жесткий звук привлек мое внимание.

– Я могу вам помочь, Джим?

– Джим Уилан – наш новый помощник, – сказала Рита, подходя ко мне.

Делия посмотрела на меня пронизательными темными глазами. Полная противоположность Тее во всех отношениях – жесткая, холодная, с крепко сжатыми губами и тяжелым взглядом. И пусть она, вероятно, была всего на несколько лет старше меня, что-то украло жизненную силу у Делии, поэтому она выглядела как человек, который за два года постарел на десять.

«Она потеряла родителей, ее сестра в санатории. Пойми ее».

Я протянул ей руку.

– Здравствуйте, мисс Хьюз.

Она посмотрела на мою руку так, будто я предложил ей грязный подгузник.

Тея засмеялась.

– Делия, ты такая чудачка. – Сама схватила мою протянутую руку и от души трянула. –

Тея Хьюз. Так приятно с вами познакомиться.

«Четыре».

Я отпустил ее руку, но продолжал смотреть ей в глаза, ища знак, что все это чушь собачья. Тея нормально держалась. Не бредила, не тряслась от Альцгеймера. Я вспомнил пустой взгляд моего дедушки Джека на смертном одре. Как его воспоминания всплывали и исчезали, и если уж исчезали, то навсегда. Было очевидно, что что-то внутри него сломалось. Тея же выглядела молодой, красивой и совершенно здоровой.

За исключением того, что здоровой она не была.

– Сфотографируй, картинка останется дольше, – сказала Тея, смеясь, пока Делия пронзала меня холодным взглядом.

– Я бы хотела побыть со своей сестрой наедине, – сказала Делия, вытаскивая стул. – Уверена, у вас есть работа.

Тея послала мне извиняющуюся улыбку и помахала на прощание.

Рита оттащила меня от сестер.

– Не принимай это на свой счет. Делия со всеми такая. И спасибо, что занял мисс Хьюз. Как дела?

– Я не могу в это поверить, – пробормотал я.

– Знаю. Не сразу привыкаешь. Такое ощущение, что она притворяется, верно?

Я кивнул.

– Ее высокая работоспособность почти усугубляет ситуацию.

– Кажется, у нее был небольшой приступ.

– Этого следовало ожидать, – ответила Рита. – Их называют приступами отсутствия. Они не причиняют боли.

– Часто они случаются?

– Теперь не так уж часто. Раньше было хуже. Когда она впервые приехала, то была в панике. Приступы каждый день, сутки напролет. Она билась в истерике, бедняжка.

– Ист-т-терике?

Рита кивнула, не заметив моего заикания.

– Случалась перезагрузка, и мисс Хьюз не понимала, что происходит. Представь себе, что приходишь в себя посреди того, как пьешь воду или гуляешь на улице. Или просыпаешься, не зная, утро это или ночь. Но она уже два года в санатории, поэтому привыкла.

– Значит, она помнит, где она.

– Нет, дорогой. Она ничего не может вспомнить. По большей части мисс Хьюз говорит по привычке.

– Она тебя помнит?

Рита покачала головой.

– Нет. Она не знает моего имени. Или имя ее доктора. Она ест в столовой каждый день, три раза в сутки, но не может сказать, где находится помещение. Не может сама пройти из этой комнаты в свою спальню. Если, не дай бог, бросить ее снаружи, она потеряется за считанные минуты. Но мисс Хьюз знает рутину. Мы осторожно внесли в ее дни однообразие, и это впиталось в подсознание. Последовательность сохраняет спокойствие.

Я медленно покачал головой.

– Невероятно.

Она положила ладонь мне на руку.

– Я знаю, это трудно понять, но наш мозг – удивительный механизм с миллиардами клеток. Когда они повреждены, результаты могут быть непредсказуемыми и завораживающими.

Я не находил ситуацию с Теей завораживающей.

Чертовски ужасной, может быть...

Тея внезапно вскочила со стула.

– Делия! – воскликнула она и склонилась над сестрой, крепко ее обнимая. – Я так рада тебя видеть. Сколько уже прошло? Где мама и папа?

– Прошло два года, – сказала Делия. – Мама и папа скоро здесь будут. Расскажи мне об этой пирамиде.

Рита наклонилась ко мне.

– Она переводит внимание мисс Хьюз на рисунок, чтобы бедняжка не спрашивала о родителях.

– Она каждый день рисует Египет?

Рита кивнула.

– Каждый день.

– А что с цепочками слов?

– Необычно, да? Такие тонкие детали. Мисс Хьюз талантливая художница.

– Они что-то значат?

– Ее нейропсихолог, доктор Стивенс, говорит, что это отголоски ее жизни до аварии. По словам Делии, мисс Хьюз училась в художественном колледже и считалась одной из лучших учениц. – Рита улыбнулась. – Однако сама мисс Хьюз иногда утверждает, что была этимологом.

– Кем?

– Тем, кто изучает происхождение слов, – пояснила Рита. – Доктор Стивенс говорит, что это конфабуляция. Выдумка мисс Хьюз. Он думает, ее бедный мозг пытается создать историю за неимением собственной. – Она посмотрела на полную рисунков папку. – Почти пора убираться.

– Ты их просто выбрасываешь? – спросил я.

– А что еще нам с ними делать?

У меня не нашлось ответа, за исключением того, что подобное искусство слишком хорошо для мусора. Тея была слишком хороша для маркеров и бумаги для заметок.

Рита изучила мое выражение лица и снова положила ладонь мне на руку.

– Она нарисует еще, – заверила медсестра. – И никогда не узнает, что их больше нет, потому что, прежде всего, не сможет вспомнить, что их делала.

Я неопределенно кивнул, хотя мне это все не нравилось. Ни одна чертова вещь.

– Мне пора возвращаться к работе, – сказала Рита. – Ты привыкнешь к мисс Хьюз. Просто дай себе время.

Время. У меня его было предостаточно. Годы и годы. У Теи же было всего несколько минут.

«Для тебя она мисс Хьюз. Оставь ее. Делай свою работу».

Пока я подметал пол комнаты отдыха, мои глаза то и дело возвращались к Тее. Мое глупое сердце болело так же, как в тот день, когда умер дедушка Джек. Скорбя о чем-то потерянном, что уже никогда не вернуть.

Это была потеря Теи, а не моя.

«Ты в этом уверен?»

Я кивнул. Я не терял Тею. Она не была моей, чтобы ее потерять, и никогда не будет.

Глава 4

Джим

Хоакин оказался прав; Алонзо дал мне две ночные смены подряд. Я познакомился с Мэри Флинт, дежурной медсестрой, что работала каждую ночь, – женщиной средних лет с короткими темными волосами и большим носом. Большая часть ее работы заключалась в том, чтобы раздавать ночные дозы лекарств из закрытой аптечки на втором этаже. Как только резиденты засыпали, у Мэри не оставалось каких-либо занятий. Каждый раз, когда я проходил мимо ее поста, она дремала.

Меня это устраивало. Никаких разговоров.

Первая ночь в «Голубом хребте» была как первая ночь в моем новом доме. Я привыкал к звукам и тишине. Приветствовал одиночество и гарантию, что мне не придется ни с кем общаться. Я бродил по залам точно призрак, слыша лишь шорох своих шагов по линолеуму и звук собственного дыхания.

«Не застрянь на горе».

«Чувствуешь себя как дома?»»

Я прыгал из одной приемной семьи в другую всю свою жизнь. Концепция дома не имела для меня никакого значения. Дедушка Джек однажды сказал: «Бери, что есть, и извлекай из этого все, что можешь».

Чем я и занимался.

После ночных смен мне давали полный выходной день, чтобы восстановиться, прежде чем я вернусь на дневную смену. Я проводил его, спя и брэнча на гитаре. Дедушка Джек подарил мне подержанную акустику на одиннадцатый день рождения. Дорис не разрешила шуметь в доме, поэтому я уносил гитару во двор и подбирал песни, которые услышал по радио. Я не знал нотной грамоты, но оказалось, что у меня хороший слух.

Теперь, в доме в Бунс-Милл, я положил ее себе на колени, чтобы поиграть песню «Beloved», которую услышал на днях. Вместо этого вышло несколько строк из «Sweet Child O'Mine». Я хлопнул рукой по струнам.

– Черт возьми, хватит. Оставь ее в покое.

Я немного почитал, пытаюсь не заснуть и вернуться к нормальному графику. В четыре часа дня я растянулся на маленьком диване в своей гостиной и смотрел «Крепкий орешек» по местному каналу. Фильм прерывался рекламой каждые три минуты, а ругательства все смягчили.

Брюс Уиллис, босой и окровавленный, ворвался в комнату.

Мои глаза закрылись. Мысли разбежались. Сон утащил меня прочь от шума фильма...

Ограждение из рабицы на заднем дворе средней школы Вебстера издавало отчетливый шум, когда в него швыряли тело. Скрежет металла по металлу. Обычно я заходил в школу с парадного входа, но сегодня опаздывал. Дыра в заборе была ближе к небольшому дому, что я делил с Дорис. Я протиснулся внутрь.

Тоби Кармайкл уже ждал.

Он сильно толкнул меня, и забор загрохотал, когда я отскочил от него, твердые изгибы проволоки впились в мои лопатки.

– Почему ты не ходишь в специальную школу как остальные неудачники? – спросил

Тоби. – Все знают, что ты т-т-тупой.

Трое друзей, которых он привел, радостно заулюлюкали и захлопали.

Тоби снова толкнул меня.

– Скажи что-нибудь, Уи-Уи-Уилан.

Ничего не говори, велел я себе. Не давай ему повода.

Я был невысоким новичком с тощим от недоедания телом. Тоби был наглым старшеклассником и сидел на диете из куриных крыльшек и чизбургеров с беконом в «Милс-Плейс», куда все дети ходили после школы.

Все, кроме меня.

Я снова отлетел в забор, и тот завел свою песню, точно огромный металлический сверчок. Я до чертиков ненавидел этот звук.

– Я сказал, скажи что-нибудь.

Тоби снова бросился на меня, и я увернулся, мои руки сжались в кулаки.

– П-п-пошел ты.

Все четверо парней остановились, уставились на меня, а затем разразились смехом.

– «Пы-пы-пы-пошел ты».

Тоби схватил меня за воротник моей выдавшей виды ветровки.

– Если еще раз увижу, что ты смотришь на Тину Халлоран, то разобью твою тупую рожу.

Я изо всех сил пытался вспомнить, кто же такая Тина Халлоран. Должно быть, та красивая девушка, что улыбалась мне, когда я вчера убирал свои вещи в шкафчик. Короткий проблеск солнца в вечно сером небе.

– Привет, Джим, – сказала она, слегка помахав кончиками пальцев.

Я никогда не говорил с ней. Конечно, нет. Я никогда не говорил, ни в классе и уж точно не в коридоре, полном учеников. Никогда не отвечал милым девушкам с дружескими улыбками. Наверное, ее кто-то подговорил. Может быть, Тоби...

– Она не хочет иметь ничего общего с таким тупицей, – проревел он, возвращая меня в реальность. – Ты понял?

Ярость горела во мне. Ярость от несправедливости, насмешек, проклятого заикания, что причиняло мне столько страданий. Мои руки сжались в кулаки, и я ударил Тоби в живот.

Он со свистом втянул воздух, но не отпустил мою куртку. Его глаза расширились от убийственного гнева.

– Ты покойник.

Ударь меня, подумал я. Черт, ударь меня. Выбей из меня заикание раз и навсегда.

Левый кулак Тоби впечатался в мою челюсть, и боль взорвалась у меня во рту. Я отшатнулся назад и рухнул на землю.

Он ткнул в меня пальцем.

– Это последнее предупреждение. В следующий раз зубы выбью. Не то чтобы они тебе нужны.

Ребята ушли, бросив на прощание еще несколько насмешливых комментариев. Я медленно поднялся на ноги. Потерев ноющую челюсть, собрал свой рюкзак и выпавшие тетради. Я сплюнул комок крови и смотрел, как тот падает на землю. Я представлял, что это мое заикание наконец выпало изо рта, кровавое и мертвое. Оно ушло. Ушло навсегда. Я вдохнул, как меня учила миссис Маррен. Выдох. Вдохни, выдохни, затем позволь словам литься...

– М-м-меня з-з-зовут Джим...

Дерьмо.

Я бы выругался, но и ругательства бы застряли у меня во рту. Я швырнул рюкзак в изгородь и уставился в землю, тяжело дыша. Затем медленно засыпал комок крови землей, подгребая ее своими поношенными кроссовками. Пытаясь похоронить заикание навсегда...

Я проснулся в темном доме с затухающей фантомной болью в челюсти.

– Нытик гребаный, – сказал себе я.

Заикание я действительно похоронил, пусть и в довольно неглубокой могиле, и никто не должен был знать, как плохо мне когда-то было. Те дни прошли. Часы накапливались между «тогда» и «сейчас» точно кирпичи. Я продолжал копить их до тех пор, пока воспоминания не стали всего лишь плохим сном. Я бы с радостью уничтожил их так, как разум Тея стирал каждый ее момент бодрствования.

«Господи, прекрати все мысли сводить к ней».

Я накинул свою кожаную куртку и направился в город, решив стереть память старомодным способом – напившись.

В небольшом деловом центре города Бунс-Милл я нашел бар под названием «Хейвен». Маленький, темный и с крошечной сценой, где какой-то парень как раз играл на гитаре песню. Листовка на столе гласила, что выступать могут все желающие. Мимолетный образ меня на сцене, с моей гитарой, пришел и ушел.

Я чуть не рассмеялся вслух.

Я заказал пиво у официантки и стал слушать, как парень исполняет песню кантри для скучающей публики из десятка человек. Официантка вернулась еще до того, как я осилил половину бутылки.

– Готов к следующей?

– Конечно.

Она положила руку на мой стол и улыбнулась. Милая. Ее темные волосы были собраны в хвост, а узкая черная футболка обтягивала грудь.

– Я тебя здесь раньше не видела, а я видела всех. – Она повела бедрами. – Я Лора.

– Джим.

– Новенький в городе, Джим?

Я кивнул.

– Я так и подумала. – Улыбка Лоры стала игривой, и официантка наклонилась ближе. – Тебе не составить компанию? Я умею встречать гостей.

Что она предлагала, было ясно как день. И у меня не было причин отказываться, вот только Бунс-Милл был куда меньше Ричмонда. Я нечасто водил женщин домой, но когда это делал, то встречался с каждой только на одну ночь. С минимальным словесным взаимодействием.

«Мне все равно, заикаешься ли ты, – прошептала Тея мне на ухо. – Я просто хочу, чтобы ты продолжал со мной говорить».

– Нет, спасибо, – сказал я. – У меня все в порядке.

Она надулась.

– Уверен? Этот город такой маленький и...

– Мне еще пива, пожалуйста. – Я поднял свою бутылку.

Смушение мелькнуло на ее лице, но она быстро замаскировала его сердитым взглядом.

– Конечно.

Лора потопала прочь, виляя своей идеальной задницей, а я смотрел ей вслед и мысленно проклинал себя. Маленький город или нет, у меня давно не было женщины.

И какого хрена я вспомнил о Тее Хьюз? Ее память полетела на хрен. Она не способна ни на что, даже на дружбу.

«Ее мозг сломан. Оставь бедняжку в покое».

Но она не оставит в покое меня.

Лора грохнула мне на стол новое пиво и ушла. В моем жалком воображении Тея сидела рядом со мной и слушала музыку, покачиваясь на своем месте.

– Музыка – это жизнь, – сказала она, беря меня за руку. Ее голубые глаза сияли узнаванием.

Моя жизнь представляла собой череду часов, которые я перетерпел, а не прожил. Мой свет тусклый и неясный. Но я мог бы позаботиться о Тее Хьюз. Это мне по силам.

Я оставил Лоре щедрые чаевые и поехал обратно домой лишь слегка навеселе. Рано лег и убедился, что завел будильник.

Мне предстояла работа.

* * *

На следующее утро в столовой Тея оторвала взгляд от завтрака с яйцами и тостами, когда я помог мистеру Уэббу сесть за столик рядом с ней.

– Доброе утро, – сказала она, щурясь на мой бейдж. – Джим.

– Доброе утро.

– Сколько уже прошло?

Анна Саттон, старшая медсестра, присоединилась к нам и поставила перед Теей чашку апельсинового сока. Женщина за пятьдесят, темные волосы всегда аккуратно подстрижены.

– Ты можешь ответить, – проинструктировала она меня, как учитель начальной школы.

– Два года, – сказал я. – Прошло два года, мисс Хьюз.

– Два года, – повторила Тея. – Боже, так долго. Но я сейчас вернулась, и врачи скажут мне, что со мной не так.

– Непременно, – заверила Анна с ободряющей улыбкой.

– Я Тея, – сказала она, протягивая руку и представляясь мне в пятый раз.

«Хватит считать».

– Приятно с вами познакомиться, – сказал я, и слова прозвучали так чертовски неправильно.

Тея посмотрела на свою еду.

– Я никогда раньше не ела яичницу-болтунью. Правда?

– Нет, мисс Хьюз, – сказала Анна. – Вы ее любите.

Тея поморщилась, размышляя, насколько правдиво это утверждение, и наконец пожала плечами. Она улыбнулась мне.

– Ты нависаешь, Джим. Садись и поешь яичницу с нами.

Анна изогнула бровь, молча передавая, что верный только один ответ.

– Я должен вернуться к работе, – сказал я.

– Облом, – скисла Тея. – Где ты работаешь?

Я посмотрел на Анну. Она покачала головой. Слово «здесь» было запрещено.

– Я санитар.

Если бы Бог надо мной сжалился, Тея бы надменно сморщила нос, и я бы смог перестать так сильно ее любить. Но нет, она сверкнула этой своей улыбкой.

– Круто. Мы еще увидимся?

– Д-да. Конечно.

«Снова и опять как впервые».

* * *

«Снова» произошло тем же днем, в комнате отдыха. Тея сгорбилась над рисунком, раскидав маркеры по всему столу и сжимая в руке шариковую ручку. Наверняка опять пишет свои цепочки. Я подметал пол и не поднимал глаз.

– Черт. – Тея сильно трянула ручкой, положила ее обратно на бумагу и нахмурилась. Встряхнула еще раз – а затем резко замерла. Перезагрузка. Ее рука задрожала, и она огляделась вокруг.

У нас, как обычно, не хватало персонала. Только дежурная медсестра на посту. Я должен был что-то сделать, прежде чем Тею охватит паника. Я положил метлу и подошел. Чуть не спросил, все ли с ней в порядке, но успел себя остановить.

– Привет, – выскочило вместо этого.

– Привет, – с облегчением сказала она. – Сколько уже прошло?

– Два года, мисс Хьюз.

Она глубоко вздохнула, и дрожащая улыбка коснулась ее губ.

– Долго меня не было, но врачи скажут, что со мной не так. – Ее глаза нашли мою табличку с именем. – Джим? Я Тея Хьюз.

«Шесть, – подумал я. – Прекрати это».

– В твоей ручке закончились чернила? – спросил я, перенаправляя внимание, как учил Алонзо.

Тея нахмурилась и попыталась что-то написать. Ручка царапала лист рядом с пирамидой из слов, но ничего не выходило.

– Как ты узнал?

– Я достану тебе новую.

Я подошел к кладовке и открыл дверь. Внутри я дернул цепь, и зажглась лампочка, освещающая стойки с головоломками, настольными играми, журналами и старыми книгами. Я нашел пачки бумаги, коробки с шариковыми ручками и маркеры. Все художественные принадлежности, которые имелись у Теи.

– Это оно? Ручки и бумага?

Внезапно по задней стенке шкафа промчалась крыса. Присев, я обнаружил в гипсокартоне трещину, сквозь которую пробивался дневной свет. Я сделал мысленную заметку сказать об этом Алонзо, затем вытряхнул из коробки шариковую ручку и поспешил обратно к Тее. Она все еще пыталась что-то написать пустой ручкой.

– Вот, пожалуйста, – сказал я.

– Спасибо, Джим, – поблагодарила она, взяв новую ручку. – Вы чудо.

С амнезией или нет, Тея дружелюбно принимала всех, кого встречала. Такая жизнерадостная. Я бы поспорил на хорошие деньги, что в школе она была невероятно популярной. Красивая, талантливая девушка, которую просто не получается не любить.

– Джим?

– Д-да?

– Ты пялишься. – Она кокетливо похлопала ресницами. – О чем ты думаешь?

– О тебе. – Что-то в ее прямоте требовало взамен правды. – Я думал, была ли ты такой же хорошей художницей в старшей школе.

– Я была египтологом, – сказала она, кивнув на свой рисунок.

– Египтологом? – переспросил я. – Не этимологом?

Ее лицо сморщилось.

– Что?

– Ой. Н-н-ничего. Рита сказала...

– Кто такая Рита?

«Дерьмо. Блин. Перенаправь ее».

– Ты изучала Египет? – спросил я, указывая на рисунок.

– Думаю, по всей логике, да. Моя старая работа. – Тея улыбнулась шире и запрокинула голову, чтобы посмотреть на меня. – Присядь, а? Ты нависаешь.

«Теперь и я в ее повторах».

– Люблю эти все египетские штуки, – продолжила Тея. – Вся их история напичкана ритуалами, богами, монументами и романтикой. Во всех хороших историях должна быть романтика. Любовь. Без любви – какой в них смысл?

– Я в этом не эксперт, – медленно признался я.

– Нет? Ты не романтик? Уверен? А как по мне, ты вылитый Марк Антоний. Куча доспехов снаружи, но внутри... – Она поморщилась. – Ой. Опять я за свое. У меня нулевой фильтр между головой и языком, если ты еще не заметил. Сестра всегда меня осаживает, но я называю вещи своими именами. Жизнь коротка, не так ли?

«Очень коротка, Тея. Всего пять минут».

– Ты мало говоришь, Джим?

– Немного.

– Я тебе еще не надоела?

– Нет, все хорошо.

«Все хорошо. Боже».

– Джим, Джим, Джим. – Тея склонила голову набок. – Это от Джеймса, верно? Но тебе больше подходит Джимми. Джимми с добрыми глазами. Ты не против, если я буду звать тебя так?

Почему этот простой вопрос разбил мне сердце, я понятия не имел, но казалось, что Тея выстраивает между нами мостик длиной в годы, вместо нескольких минут.

«Будь профессионалом. Вели ей звать тебя Джим».

– Н-н-нет. Я не против.

Тея наклонилась над столом, сострадание смягчило ее черты.

– У тебя есть заикание, Джимми?

Я почти сказал ей, что оно вылезало только тогда, когда я нервничал или злился. Тогда Тея могла бы спросить, неужели она заставляет меня нервничать. Кокетливо рассмеялась бы, а потом сказала, мол, ей плевать, что я заикаюсь, лишь бы продолжал говорить с ней, и что мое заикание не самая интересная вещь во мне...

«Боже, вот я влип».

Мне пришло в голову, что я мог бы изменить сценарий. Мог сказать ей что угодно. Мог трахнуть с ней, и через несколько минут она бы все забыла.

Мне даже плохо стало от этой мысли.

Жестокий человек, хулиган – Тоби – трахнулся бы с ней. Посмеялся бы над ее растерянностью и страхом и оправдал себя по той же причине – Тея ничего бы не помнила.

Но я-то помню.

«Кто-то должен присматривать за ней».

– Я заикаюсь только иногда. В детстве было хуже.

– Тебя за это травили?

– Да.

Ее губы скривились.

– Долбанные хулиганы. Прости, Джимми. Все такие задиры – просто трусы, которые пытаются скрыть свою слабость, переводя внимание на кого-то другого. – Она посмотрела на меня. – Но тебе, наверное, от этого не легче?

– Что было – то было. Прошлого не изменить.

– А ты крутой парень. Как Марк Антоний. Стойкий солдат, но твои глаза тебя выдают.

Я кашлянул. «Перенаправь ее».

– Марк Антоний, – повторил я и кивнул на ее рисунок. – Он тоже из твоих знаний о Египте?

Тея положила щеку на сложенные руки, словно грелась у огня.

– Марк Антоний как раз был романтиком. Они с Клеопатрой любили друг друга. Ради нее он пошел на войну. Умер за нее. Когда ей сказали, что он мертв, она положила руку в корзину со змеями. Можешь себе представить? Любить кого-то настолько сильно, что жить без него не хочешь?

– Нет. Не могу.

Ее взгляд упал на мою руку на столе, и Тея коснулась шрамов у меня на костяшках.

– У них своя история, не так ли? – Она прочертила пальцем одну из тонких линий на моем первом суставе. – Ты тоже сунул руку змеям.

Я медленно кивнул, наслаждаясь ощущением ее теплой кожи.

– Поэтому они и оставили меня в покое.

– Правда?

– В итоге – да.

– Я рада. – Она полностью накрыла мою ладонь своей и крепко сжала. – Я тоже чувствую... что-то. Личное. Делия была бы в ярости, но я чувствую, что...

– Что, Тея?

– Как будто мне надо держаться за этот момент, понимаешь? Или ты... я даже тебя не знаю и все же не хочу прекращать с тобой разговаривать. – Ее рука сдавила мою. – Мне все равно, заикаешься ты или нет, но, пожалуйста, продолжай говорить со мной, Джимми. Хорошо?

У меня пересохло во рту от невыразимого отчаяния в ее глазах.

«Боже, она знает, что в ловушке? Не может быть. Невозможно...»

– Хорошо, – ответил я. – Я буду говорить с тобой каждый день. Обещаю.

Тея с облегчением вздохнула и выпустила мою руку.

– Спасибо. Мне почему-то легче.

С последней улыбкой – я так понял, прощальной, – она взяла свою ручку и затем замерла.

«Перезагрузка».

Смущение отразилось у нее на лице. Она посмотрела на меня и слегка вздрогнула, обнаружив в непосредственной близости крупного мужчину. Я мгновенно откинулся назад, чтобы не вторгаться в ее пространство.

– Сколько уже прошло? – спросила она.

– Два года, – сказал я чуть громче шепота. – Но врачи работают над вашим случаем.

– Да, точно. – Она нерешительно улыбнулась и нашла глазами мой бейджик. – Я Тея Хьюз.

«Семь. Седьмой раз».

– Джим Уилан, – представился я.

Она протянула руку. Опять. Я механически взял ее, выдержал очередное сердечное пожатие. Опять. Ее пальцы не задержались в моих, а сразу же высвободились, как вы бы поступили с чужим человеком.

– Приятно познакомиться, Джим Уилан.

«Блин. Я не могу проходить через это снова».

Я поднялся на ноги.

– Мне пора на работу.

Ее лицо погрузнело.

– Ой. Облом. Мы еще увидимся?

Я мог бы обещать ей, что да, но она не запомнит. В обещаниях не было толку. Я мог сказать ей, что небо падает или меня зовут Авраам Линкольн, и она не ощутит чертовой разницы. Это исчезнет, как и любое другое слово, которое мы когда-либо говорили друг другу. Я исчезал каждый раз, когда она перезагружалась, и снова воссоздавался в глазах Теи. Я мог быть кем угодно, чем угодно. И все же она оставалась единственной девушкой, с которой я мог быть самим собой.

Ужасная ирония происходящего походила на медный привкус во рту.

– Конечно, мисс Хьюз, – сказал я. – Увидимся завтра.

Глава 5

Тея

(пятью минутами ранее)

Я впервые открываю глаза.

Напротив меня сидит красивый парень. Сильный и крепко сбитый. Его руки большие, суставы испещрены шрамами. Бицепсы и предплечья увиты мышцами. Он одет в белое. Униформа?

За соседним столом сидит старик с вмятиной в голове.

Я в больнице?

Да, потому что произошел несчастный случай, и теперь я очнулась.

Господи, как долго я была без сознания?

Мое сердце стучит, и кровь приливает к ушам. Моя рука сжимает ручку до боли в суставах. Трудно дышать. Произошел несчастный случай, и теперь я здесь, в этой комнате. Но сколько времени прошло между «тогда» и «сейчас»? Как я сюда попала? Сколько времени я потеряла?

– Сколько уже прошло? – спрашиваю я красивого парня.

– Два года, – тихо говорит он, почти шепотом. – Но врачи работают над вашим случаем. Он прав. Врачи работают над моим случаем. Это одна из вещей, которые я знаю.

Меня зовут Тея Хьюз.

Произошел несчастный случай.

Врачи работают над моим случаем.

Мужчина знает это, а значит, должен каким-то образом знать меня. Мои руки немного разжимаются.

– Да, – говорю я. – Так и есть.

Но два года? Боже, как долго я отсутствовала! Но теперь вернулась. Я с облегчением выдыхаю и успокаиваю панику. Тем не менее, я не могу найти... что-то. Что-то потеряно, и мне нужно это найти. Если бы я только знала, что искать.

Я нахожу взглядом бейджик парня. Джим.

Джим прекрасен. И сексуален. Его сексуальность похожа на черную кожаную куртку – сочетается с любым нарядом. Он не разваливается на стуле, не занимает все место и не приказывает всем в комнате обратить на него внимание. Его поза спокойна, руки скрещены на столе, плечи немного наклонены вперед. Он даже не знает, насколько сексуален, что делает его еще привлекательнее. Я борюсь с безумным желанием уткнуться лицом в изгиб его шеи и вдохнуть запах. Ничего не могу с собой поделать. Ко мне вечность никто не прикасался. Ни секса. Ни еды. Ни воды. Ничего такого.

Вместо этого я предлагаю свою руку. Делия всегда кричит на меня, мол, веди себя вежливо. И я не против прикасаться к этому парню.

– Я Тея Хьюз.

– Джим Уилан, – отвечает он почти разочарованно.

Даже имя у него сексуальное. Мужественное. Твердое. Но в нем скрывается мягкость, делающая его больше похожим на Джимми, чем на Джима. Я только собираюсь это сказать, когда внезапная болезненная гримаса искажает его красивые черты, и он поднимается на ноги.

– Мне пора на работу.

Разочарование глубоко вонзает в меня зубы. Мне не нравится оставаться одной. За пределами Джима меня ждет тишина – напряженная и безвоздушная – и это так страшно.

– Ой. Облом, – говорю я небрежно, скрывая свое отчаяние. – Мы еще увидимся?

«Пожалуйста, скажи «да», Джимми Уилан».

Он колеблется, его темные глаза пристально смотрят в мои. Я не знаю, что он ищет, но чем бы оно ни было, пусть найдет.

– Конечно, мисс Хьюз, – говорит Джимми. – Увидимся завтра.

Затем красивый парень в белой форме встает и уходит.

Я уже скучаю по нему. Я бы хотела, чтобы он вернулся. У него такие добрые глаза. Крепкий, как кирпичная стена, с мощной челюстью, покрытой щетиной, и все же он меня не пугает. Джимми хороший человек. Я хочу продолжать говорить с ним.

Казалось, он не хотел уходить.

Может быть, он одинок.

Может, мне пойти за ним и спросить, не хочет ли он потусоваться вместе. Ничего серьезного. Бога ради, мы ведь только что встретились. Но увидеть его снова... думаю, это было бы хорошо для меня.

Я начинаю вставать со стула, когда взгляд падает на лежащий передо мной рисунок. Это египетский пейзаж – высокая пирамида, отбрасывающая длинную тень под палящим солнцем.

Я его нарисовала? Конечно. Он же здесь, передо мной, вместе с ручками и цветными маркерами. Наверное, начала еще до аварии. Надо закончить. Прошло два года. Я закончу рисунок сейчас. Я открываю маркер, жалея, что под рукой нет холста и красок. Может, Делия принесет мне, когда придет. Или мама и папа.

Я скучаю по ним. Я стараюсь вспомнить их лица, вспомнить хоть один момент из нашей жизни до аварии.

И не могу. Когда я смотрю туда, то вижу пустоту. Как огромная космическая пустыня без стен, но и без движения воздуха. Страх начинает впиваться мне в живот, и я берусь за маркеры. Что-то, что могу держать в руке. Я добавляю цвета в небо. Закончив, беру шариковую ручку. Короткие слова появляются из-под пера и заполняют тень под пирамидой.

Сильный каменный стон одинокий одинокий низко медленный такой царапина шрам шрам шрам

Бессмыслица. Слова, слова, слова, но они ничего не значат.

Человек, который изучает слова, зовется этимологом.

Откуда я знаю? Изучала слова в колледже? Я ходила в колледж? Я пытаюсь вспомнить. Что-то. Что-нибудь.

В моей голове тишина.

Пустота.

Я потерялась...

Мое сердце стучит, и кровь приливает к ушам. Я снова читаю слова под пирамидой.

Сильный каменный стон одинокий одинокий одинокий

Джимми одинок. Эти слова о Джимми.

Кто такой Джимми?

Темные волосы и глаза. Добрые глаза. И униформа. Белая?

Что значит белый?

Я не знаю. Я больше не вижу. Я не могу вспомнить...

Я впервые открываю глаза.

За соседним столом сидит старик с вмятиной в голове.

Я в больнице?

Да, потому что произошел несчастный случай, и теперь я очнулась.

Господи, как долго я отсутствовала?

Мое сердце стучит, и кровь приливает к ушам. Моя рука сжимает ручку до боли в суставах. Трудно дышать. Произошел несчастный случай, и теперь я здесь, в этой комнате. Но сколько времени прошло между «тогда» и «сейчас»? Как я сюда попала? Сколько времени

я потеряла? Ко мне спешит миниатюрная женщина в синей униформе. Медсестра. Ее бейдж гласит: Рита.

– Сколько уже прошло? – спрашиваю я.

– Два года, мисс Хьюз, – говорит Рита. – Врачи работают над вашим случаем.

Она права. Врачи работают над моим случаем. Это одна из вещей, которые я знаю.

Меня зовут Тея Хьюз.

Произошел несчастный случай.

Врачи работают над моим случаем.

Медсестра знала это, получается, что она должна каким-то образом меня знать. Мои руки немного разжимаются.

Тем не менее, я не могу найти... что-то. Оно потерялось, и мне нужно его найти. Если бы я только знала, что ищу.

– Прекрасная пирамида, – говорит Рита, постукивая по бумаге на столе передо мной. Это рисунок египетской пустыни под палящим солнцем, пирамида отбрасывает длинную темную тень.

Я улыбаюсь.

– Спасибо. Наверное, я начала ее еще до аварии.

У Риты приятная улыбка, и рядом с ней я чувствую себя в безопасности. Мысль об одиночестве вызывает ужас. Кажется, я очень долго была одна.

Жаль, что под рукой нет холста и красок. Может, Делия принесет мне, когда придет. Или мама и папа. Я скучаю по ним. Я стараюсь вспомнить их лица, вспомнить хоть один момент из нашей жизни до аварии.

И не могу. Когда я смотрю туда, то вижу пустоту. Как огромная космическая пустыня без стен, но и без движения воздуха. Страх начинает впиваться мне в живот. Я держу шариковую ручку. Что-то твердое и реальное. Паника отступает. Короткие слова появляются из-под пера и заполняют тень под пирамидой.

Было что белый написал наизусть прореха запинка щелчок карта ловушка ловушка

Это не имеет смысла.

Рита касается моей руки.

– Очень красиво.

Я с облегчением улыбаюсь в ответ. Мне нужны ее слова. Я жажду их. Жажду прикосновений. Звуков. Общения. Здесь так тихо.

– Спасибо, – говорю я. – Вы долго здесь работаете?

Я чувствую, что должна знать ответ на этот вопрос. Я чувствую, что должна знать Риту, но я не знаю.

– Несколько лет, – отвечает Рита. – Хотите что-нибудь выпить?

Боже, да. Несколько лет ничего не пила.

– Лимонад, было бы здорово, – говорю я.

Правда? Я знаю, что такое лимонад, но не могу вспомнить, какой он на вкус. Или как я сюда попала.

Рита улыбается.

– Я сейчас вернусь. – Она касается угла моего рисунка. – Очень хочу увидеть, что вы добавите дальше. Вы очень талантливы, мисс Хьюз.

– Спасибо.

Рита встает, и я возвращаюсь к рисованию. Добавляю немного цвета в слова в тени пирамиды. На самом деле я не очень люблю маркеры, но Делия всегда твердит, чтобы я не была такой разборчивой. Ничего не могу с собой поделывать, предпочитаю краски ручкам. Живопись – как дыхание. Египет – это жизнь.

Человек, который изучает Египет, называется египтологом.

Откуда я знаю? Изучала Египет в колледже? Я ходила в колледж? Я пытаюсь вспомнить.
Что-то. Что-нибудь.

В моей голове тишина.

Пустота.

Я потерялась...

Мое сердце стучит, и кровь приливает к ушам. Тишина душит. Огромная, но давящая.
Маленькая коробочка без стен.

Я читаю слова внутри пирамиды. Ловушка.

Где ловушка?

Я не знаю. Я больше не знаю, где я. Я не могу вспомнить.

Я впервые открываю глаза...

Глава 6

Джим

Мои дни слились в одинаковой рутине. Мой собственный бесконечный цикл. Подъем в шесть; я поставил кофе и принял душ, пока он варился. Налил чашку и отнес ее в ванную. Вытер пар с зеркала, чтобы подстричь бороду. Парень в зеркале выглядел суровым. Мышцы, появившиеся в результате долгих тренировок в гараже, где я таскал тяжести. Хмурый взгляд. Рот – линия губ, которые редко открываются, чтобы говорить.

«Крутой парень, а? Ты трус, – усмехнулась Дорис. – Она сравнила тебя с Марком Антоном? Чушь какая».

– Она не мое дело, – сказал я.

Парень в зеркале зашевелил губами, но я все утро мысленно подсчитывал время. Приготовление кофе: пять минут. Выпить чашку: пять минут. Душ: пять минут. Бритье: пять минут.

Все утро какие-то новые действия, пока Тея находилась в своей ловушке сознания. Долбаный кошмар. Не мой, но все равно страшно.

Я должен был верить, что Тея не знает о своей тюрьме. Я видел отчаяние в ее глазах, но не мог сказать, с чем оно связано. Она казалась достаточно счастливой, пока возилась со своими ручками и бумагой, пока писала бесконечные цепочки слов со слабой улыбкой на лице.

Кто я такой, чтобы утверждать, будто она страдает?

«Никто, – услужливо подсказала Дорис. – Ты никто».

Моя смена в санатории началась с поспешного сообщения от Алонзо, который велел мне немедленно явиться в комнату мистера Перелло на третьем этаже. Перелло был ветераном Афганистана. От взрыва на дороге железный прут воткнулся ему в глазницу. Перелло был дружелюбным парнем, но его травма иногда вызывала приступы гневной истерии.

– Вы не знаете, где я был! – орал он, борясь с объединенными усилиями Хоакина и Алонзо. Те вдвоем пытались его удержать, пока дежурная медсестра готовила успокоительное. – Вы не знаете, что я видел!

Он высвободил руку и заехал Алонзо по лицу. Бедняга отшатнулся, и я быстро его сменил. Быстро и осторожно – Перелло был солдатом, и ярость придавала ему дополнительную силу. Я удерживал его у стены, пока он не навредил себе или кому-либо еще.

– Вы не знаете! – кипел мистер Перелло, и его лицо было в нескольких дюймах от моего. Черная повязка закрывала левый глаз. – Вы, придурки, думаете, что все поняли. Но ни хрена не знаете.

– Ну же, мистер П., – начал Хоакин. – Успокойтесь...

– Нехрен меня успокаивать! Я научу вас уважению. Вы не знаете то, что я знаю.

– Вы правы, – отозвался я. – Мы не знаем.

Слюна попала мне на челюсть, когда его голова повернулась ко мне.

– Закрой рот! – закричал он. – Нехрен мне поддакивать!

– Я бы никогда не стал, сэр.

– Я видел всякое дерьмо.

– Да, – подтвердил я. – Мы даже представить не можем, что вы видели.

– Я заслужил уважение, черт возьми, – сказал мистер П., устав бороться. – Я заработал его там, в той проклятой пустыне, которую тебе никогда не придется увидеть.

– Так и есть. И мы благодарны вам за это.

Мистер Перелло прекратил вырываться, и дежурная медсестра подскочила к нему со шприцем.

– Ну вот, мистер П., – сказал Хоакин, укладывая его на кровать. – Теперь вы вздремнете, а когда проснетесь, почувствуете себя намного лучше.

Мистер Перелло обмяк, и мы отпустили его.

– Вы в порядке, босс? – спросил Хоакин.

– В порядке. – Алонзо вытер с губ струйку крови. – Просто уже старею.

Хоакин хлопнул меня по плечу, когда мы выходили из комнаты.

– Ну ты даешь, новобранец. Я уж думал, ты вообще молчун, но ты догадался, что сказать мистеру П.

Я пожал плечами.

– Я сказал ему правду.

Алонзо кивнул.

– Верно. Ты молодец, Джим. Действительно молодец.

– Спасибо.

Остаток дня я лелеял это «действительно молодец» и хлопок по плечу от Хоакина. Судьба скрывала от меня Тею, а хлопоты не давали думать о чем-то еще. Работа спорилась.

Позже днем я взял швабру и ведро и вошел в комнату отдыха, как раз после того, как Рита увела оттуда Тею. Та улыбалась.

«Потому что она вполне счастлива. Продолжай делать свою работу. Так же, как с мистером Перелло».

Напевая «Sweet Child O' Mine», я пошел убирать со стола Теи. Рита оставила там маркеры и несколько листов бумаги. Я собрал их, чтобы отнести на место.

И замер на полпути.

Я уже видел рисунки Теи, но на самом деле не присматривался. А вот сейчас посмотрел.

Цепочка слов, о которой я спрашивал Риту, была одной из сотен. Тысяч. Весь рисунок пирамиды под египетским солнцем состоял из них. Убористый почерк, такой же аккуратный, как машинный. Каждая деталь рисунка состояла из слов, раскрашенных маркерами.

«Все из цепочек? Невероятно».

Я схватил стопку рисунков с полки Теи. Первый представлял собой еще одну пирамиду в египетской пустыне. И следующий. И следующий. Вся стопка состояла из сюжетов Древнего Египта, некоторые с Клеопатрой в сине-золотом головном уборе и с золотыми браслетами на руках. Некоторые с Марком Антонием во главе флота военных кораблей; его высоко поднятый меч блеснул на солнце.

Каждое изображение было создано из слов. Цепочек слов. Как картины пуантилистов, только вместо точек буквы.

Гробница тень вскоре луна стон вырос посеян одиноко потерян потерян

Я развернул страницу под другим углом, чтобы прочесть крошечный скрипт, который изображал черную кошку, греющуюся на солнце.

Кот сидел пел жало крыло оса было не должно доверять желание последний вздох ушел ушел ушел

Тени, отбрасываемые на песок пустыни, представляли собой море слов, написанных черными чернилами и закрашенных серым. Одна строка бросилась мне в глаза.

Темный метка жаворонок ловушка ловушка споткнулся разорванный веревка надежда выдержка петь экран крик крик крик

– Вот же черт.

Это были не просто цепочки слов. Это были струны боли. И в конце каждого одна и та же тема. Припев в конце куплета Теи. Повтор, как эхо голоса, кричащего откуда-то из глубины, темноты.

Потерян. Ушел. Крик.

Мои руки дрожали. Я перебирал недельные кипы рисунков, выбирая наугад все новые цепочки слов. Мое дыхание зачастило. Одна строка напугала меня больше всех. Короткая цепочка слов, что составляла небольшую тень под тронем Клеопатры.

Любовь жить жизнь нож рядом рвать пророк страх износ где? здесь здесь здесь

– Здесь, – прошептал я. – Она здесь.

Я не дурак и понимал: доктора Наверняка видели ее рисунки – но какого ж хрена ничего не сделали? Разве это не доказательство, что Тея понимает свою ситуацию?

«Все здесь. Она знает, что с ней происходит».

Мысль упала в сердце, точно камень.

– Боже. Вдох. Выдох. – Я схватился за край стула, а за окнами сгущались сумерки. – Она знает. Твою мать, она знает.

Это не просто набор слов. Нет. Тея была там, заперта в своем собственном разуме, годами.

Рита вошла в комнату отдыха, на этот раз крепко держа Нэнси Уиллис – еще одну резидентку, что страдала от постоянного головокружения из-за травмы, полученной двадцать лет назад. Рита усадила старуху на стул и принесла ей комплект домино.

– Я сейчас вернусь, мисс Уиллис, – сказала Рита, читая мое выражение лица. – Джим? Ты бледный как стена.

Я хотел было показать рисунки Рите, но остановился. Она их видела. Она тоже работает здесь годами. Гнев горел в моих венах, а значит, заикание вылезло наружу.

– Н-ничего. Я в порядке.

Она нахмурилась, но мисс Уиллис уронила домино и позвала на помощь. Рита оставила меня, вернулась к подопечной, а мне следовало вновь приступить к работе. Я должен был вынести мусор. Сделать свою работу. Выбросить все рисунки Теи.

Все ее мольбы о помощи.

Я затолкал рисунки в мешок, но не стал его завязывать. Просто вынул из ведра и закрутил, чтобы донести до бака на улице.

«Что ты делаешь?»

Я смутно сознавал, что хочу забрать рисунки и... что? Отправить их фото доктору Теи? Другому врачу? Специалисту получше, кто хоть что-то сделает с тем, что она заперта в пятиминутной петле времени?

Снаружи воздух был густым и липким; летнее солнце блестело в ясном голубом небе. У мусорного контейнера рядом со зданием я полез в мешок и схватил три или четыре рисунка Теи, свернул их в трубочку и сунул в задний карман. Затем связал мешок и бросил в бак.

– Что ты забрал, Джим?

Дерьмо...

Крышка бака упала, едва не попав мне по пальцам. С колотящимся сердцем я повернулся к нему спиной, глядя на приближающегося Алонзо.

– Н-н-ничего.

– Жарковато нынче для озноба. – Он склонил голову. – Нервничаешь? Покажи мне это «ничего».

«А сейчас ты потеряешь свою работу, придурок».

Я вдохнул, выдохнул и отдал ему свернутые рисунки.

Алонзо развернул бумагу и сунул сигарету в рот.

– Любишь искусство?

– Нет, сэр.

– Не расскажешь, почему решил стянуть рисунки мисс Хьюз из мусорной корзины?

Я выпрямился, скрестил руки. Раз он все равно собирался меня уволить, отчего бы не сказать правду.

– Неправильно их выбрасывать.

Он кивнул и снова свернул бумаги.

– Садись.

Я опустил руки и последовал за ним к скамейке, обращенной к западному крылу «Голубого хребта». Сверчки стрекотали и мелькали в высокой траве. Алонзо зажег сигарету.

– Цепочки слов, верно?

Я кивнул. Алонзо начал говорить, но тут какое-то движение наверху привлекло наше внимание. Тея появилась в окне своей комнаты. Она не посмотрела вниз, лишь положила руку на стекло и уставилась на лес, горы вдаль.

– Ты не можешь так на нее смотреть, – сказал Алонзо.

Я вздрогнул и оторвал взгляд от Теи.

– Я не...

– И ты ничего не можешь выносить из санатория. Узнай об этом Делия Хьюз, на куски бы тебя порвала, без вопросов.

– Они явно важные, – тихо сказал я. – Эти цепочки.

– Это не твое дело, сынок. Мы уже это обсуждали. Она не такая, как ты или я. Она выглядит красивой. Здоровой. Она много улыбается. Но у нее поврежден мозг. Поврежден. Мозг.

Я вздрогнул.

– Я знаю.

– Правда? – Алонзо склонил голову. – Ты читаешь ее каракули, будто секретный код. Ты смотришь на нее, будто есть какая-то надежда.

– Надежда?..

– Шанс, что ей станет лучше.

– Разве мы не хотим этого для наших пациентов?

Алонзо прищурился.

– Хотим, но я тебе сказал: лучше им не станет. Мисс Хьюз не поправится. Ни сегодня, ни завтра. Ни через десять лет. Доктора изучили ее случай вдоль и поперек. Они видели это. – Он помахал рисунками. – Медицина бессильна.

Вес его слов как приговор навис над Теей. Ей двадцать три года, других проблем со здоровьем нет. Она может легко дожить до... семидесяти? Восьмидесяти? Еще шестьдесят лет в этом месте? Шестьдесят лет рисунков, знакомств и «сколько уже прошло»? И все это время каким-то образом зная, что она в ловушке без возможности выбраться?

Я даже не мог этого представить.

– Они ничего не могут сделать? – уточнил я. – Вообще ничего?

– У Алтеи Хьюз один из худших зарегистрированных случаев амнезии в истории, – ответил Алонзо. – Если бы можно было что-то сделать, ее доктора уже бы это сделали.

Я откинулся на скамейке.

– Она в ловушке.

Алонзо мгновение изучал меня, затем затушил сигарету и подобрал окурочек.

– Осторожнее, сынок.

Я вскинул голову и встретился с ним взглядом.

– Я бы н-н-никогда...

– Никогда не будешь забирать ее личные вещи?

Он прав. Я веду себя как гребаный сталкер.

– Я разбираюсь в людях, – сказал Алонзо. – Неплохо умею их читать. Я подозреваю, что ты хороший человек, но это последнее предупреждение. Следи за собой и за своей надеждой. Следи за тем, чтобы не мечтал о выздоровлении мисс Хьюз как ради нее, так и ради себя.

Он вручил мне рисунки.

– Я так понимаю, ты знаешь, куда их деть?

Я кивнул.

– Хорошо. Увидимся.

Он ушел, и только тогда я позволил рисункам развернуться в моей ладони.

«Оставь это ее докторам».

Они были нейрохирургами и психологами с годами практики и высшим образованием. Я был санитаром с дипломом средней школы.

Я встал и направился обратно к баку. Бросил последний взгляд на окно, но Теи там больше не было.

«Ее там больше нет».

Все больше и больше чувствуя себя сталкером, ущемляющим личную жизнь пациента, я одной рукой поднял тяжелую крышку контейнера. Было почти кошунством бросать изображения такого уровня в мусор, но мне вообще не следовало их забирать. Неправильно. Непрофессионально. Мне повезло, что Алонзо меня не уволил.

Я вновь повторил свою клятву не лезть в жизнь Теи Хьюз больше, чем допустимо санитару. Это было не мое дело.

Я запихнул страницы в бак, и тяжелая крышка захлопнулась, прищемив один рисунок. Его угол торчал наружу, светлое пятно на фоне ржавого зеленого металла. Мне в глаза словно чертова пульсирующая сирена бросилась цепочка слов.

Прощай ложь плач попытка улететь тайком вздох вверх оклик ад помощь помощь помощь.

Глава 7

Джим

Я был в комнате отдыха сотрудников, бездельничал свои законные пятнадцать минут, когда в помещение ворвалась Рита.

– О Джим, слава богу, ты здесь.

– Что случилось?

– Мне надо позаботиться о мисс Перкинс, а медсестра Эрик сегодня на больничном. Ты не можешь сводить мисс Хьюз на ее ЗСВ?

Я колебался. Последние несколько дней мне удавалось избегать Теи. Делать свою работу. Никуда не лезть. Я не разговаривал с ней в комнате отдыха и уж точно не собирался думать о ее словесных цепочках. Я должен был верить Алонзо, что доктора знают свое дело, иначе я бы сошел с ума.

– Извини, я знаю, что у тебя перерыв, – продолжила Рита. – Я бы не стала просить, но больше никого нет...

– Нет-нет, все в порядке, – заверил я. – Я могу ей заняться.

«Вот тебе и «никуда не лезть».

– Спасибо огромное. Она в кафетерии, заканчивает перекус. – Она побарабанила по дверному косяку. – Ты не поторопишься, пока она снова не побрела к входной двери?..

Я направился в столовую. В коридоре снаружи стояла совершенно незнакомая доктор и беседовала с другими специалистами из Роанока. Лет тридцать пять, гладкие черные волосы, острый умный взгляд.

– Эй, Хоакин, – окликнул я, когда он проходил мимо. – Кто это?

– Доктор Кристина Чен, – ответил приятель. – Новая специалистка из Австралии. Вроде интересуется мисс Хьюз.

– Интересуется? Что это означает?

Хоакин пожал плечами.

– Ты хоть раз видел доктора Стивенса? Я тоже, – сказал он, прежде чем я успел ответить. – Интерес лучше, чем ничего.

Я кивнул. Уже несколько дней я говорил Тее, что доктора работают над ее делом. Возможно, эти слова наконец стали правдой.

Тея сидела за столом перед пустой тарелкой и половиной стакана лимонада. Она была одета в обычную тусклую форму, но летнее солнце, струящееся из высоких окон, превращало ее в красавицу.

Судя по нервному взгляду, только что случилась перезагрузка. Я поспешил к столу.

– Сколько уже прошло? – спросила она, когда я еще был на полпути.

– Два года, мисс Хьюз.

Она кивнула, с облегчением вздохнула, и ее глаза устремились к моему бейджу.

– Спасибо... Джим. Я попала в аварию. Врачи пытаются выяснить, что со мной не так. – Она протянула руку. – Я Тея.

Я заставил себя перестать считать наши знакомства и выдержал ее энергичное рукопожатие.

– Хотите пойти на прогулку?

Лицо Теи вспыхнуло в улыбке, от которой у меня заболело в груди.

– Мне бы очень хотелось. Ты мой сопровождающий?

Я кивнул.

Она подняла бровь.

– Что ж?..

– О, верно...

Я предложил ей свою руку, и Тея, посмеиваясь, приняла ее. Мы отправились к задней двери, что выходила на огороженную территорию.

– Какой прекрасный день, – сказала Тея, поворачиваясь лицом к солнцу.

Жара накрыла нас густым влажным одеялом. Насекомые гудели. Пышная зеленая трава угрожала иссечь каменную дорожку. С правой стороны виднелась высокая ограда, а с другой стороны – густой лес. Я задавался вопросом, видела ли Тея только деревья и растения, а не забор, который удерживал ее внутри.

– Ты ужасно тихий, Джим, – заметила она. – Не большой любитель поболтать?

– Не особо.

– А вот я наоборот. Сестра утверждает, что я никогда не затыкаюсь. – Тея посмотрела на меня. – Джим – это от Джеймса, да? Ты не похож на Джеймса. Даже на Джима. Скорее, Джимми. У тебя хорошие глаза. Не возражаешь, если я буду звать тебя Джимми?

– Не возражаю, – сказал я, а мое сердце болело и радовалось одновременно. То же самое, каждый раз.

– Что-то тебя беспокоит, Джимми? – Тея сжала мою руку. – Что бы там ни думала Делия, я умею выслушать.

– Ничто меня не беспокоит.

Я ничего не мог поделать с трудностями Теи. И вдруг пожалел об этой прогулке.

Тея склонила голову.

– Ладно, но я вся твоя, если ты передумаешь. Особенно сейчас. Здесь так тихо.

Уже дважды она упомянула тишину. Я задался вопросом, беспокоило ли ее безмолвие собственного разума – пустого без воспоминаний – больше, чем тишина этого влажного полудня.

«Конечно, беспокоит. Потому что она знает. Ее цепочки слов тому свидетельство».

Такое мышление никуда меня не приведет. Я не мог изменить будущее, но мог сделать что-то для нее в данный момент. На те пять минут, что у нее есть.

– Ты любишь музыку?

Лицо Теи загорелось.

– Люблю? Музыка – это жизнь. Я бы убила ради возможности послушать пару мелодий прямо сейчас.

Я потянулся за телефоном, чтобы включить ей какую-нибудь песню, и понял, что оставил его в своем шкафчике.

«Дерьмо. А такой план был».

– Как насчет тебя, Джимми? – спросила Тея. – Что ты слушаешь?

– В основном олдскульный рок и металл.

– Еще бы. А я тащусь от танцевальной и техно. Ты на чем-нибудь играешь?

– На самом деле, нет.

Она подтолкнула мою руку.

– Обычно это означает «да, но я не хочу, чтобы кто-то знал».

«Какая разница, если ты ей скажешь? Примерно через три минуты она все равно не вспомнит».

– Я играю на гитаре. И немного пою. – Слова вылетели прежде, чем я успел их поймать. Тея остановилась и встала передо мной на дорожке.

– Ты поешь?

– Немного, – сознался я. Вот блин.

– Ты поешь и играешь рок-музыку на гитаре. Боже, Джимми. Ты же понимаешь, как это сексуально, верно?

Я кашлянул.

– Н-н-нет...

Она склонила голову, выражение ее лица смягчилось.

– Я заставляю тебя нервничать?

Вдох. Выдох. Черт, я говорил ей раньше.

– У меня заикание. В детстве было хуже. Учительница сказала мне, что пение может помочь.

Тея кивнула, затем ее улыбка вернулась.

– Мне бы очень хотелось услышать, как ты поешь.

Я уставился на нее. Я никогда ни перед кем не пел. Никогда.

– Никого рядом нет, – настаивала она. – И здесь так тихо. Пожалуйста? Хоть чуть-чуть?

– У меня нет с собой гитары.

– А капелла сойдет, – заверила Тея.

Живот свело, ладони взмокли.

– Не стоит.

– Ты уверен. Ведь...

– *Я уверен.*

Тея вздрогнула и отвернулась. Я выругал себя, осознав, сколько доверия Тея невольно проявляет ко всем, кто ее окружает. А ведь за исключением Делии, все в ее жизни были незнакомцами.

– Извини, – сказал я. – Не х-хотел на тебя рывкать.

– Нет, я сама виновата. Делия всегда твердит, что я чертовски настойчивая. Думаю, она права. – Тея нерешительно шлепнула меня по руке. – Ты мне ничего не должен. Я просто чувствую, что...

– Что?

– Будто так тихо, понимаешь? Не только здесь. – Она указала на землю. – А все время. Всегда. Знаю, это кажется бессмыслицей. Даже мне самой...

Просто спой для нее, придурок. Сделай ее счастливой. Перегрузка вот-вот грянет. Она не вспомнит.

Боль в груди усилилась, словно невидимая рука сжимала сердце. Я боялся петь на людях, но перегрузки я боялся больше. Как она разрушает все, что мы построили. Очередное знакомство. Очередная просьба называть меня Джимми. Но эти несколько минут у Теи будет то, что она хочет. Свежая струя в ее бесконечных циклах одинаковости.

Так или иначе, речь же шла не обо мне. Если Тея в глубине души действительно знала о своей ситуации, то меньшее, чем я мог ей помочь, – это дать все, что она хотела.

– Хорошо, – сказал я. – Спою.

– В самом деле? – Лицо Теи загорелось. – Ура. Я готова.

– Давай прогуляемся. Я не могу петь, когда ты на меня смотришь.

Мы двинулись дальше по дорожке. Годы насмешек и издевательств едва не заставили меня передумать, но, не дав себе времени на сомнения, я начал петь – «Sweet Child O'Mine», низко, хрипло и медленно.

Мы шли по тихой местности, а я пел о голубых глазах женщины, которая думала о дожде, о ее улыбке и таком красивом лице, что я мог заплакать, если бы засмотрелся на нее слишком долго. Я растворился в словах, запреты исчезали с каждым слогом, потому что я пел Тее. Я пел о Тее, и это была самая легкая вещь в мире...

– Ты шутишь, что ли? – Она вдруг перебила меня, сжав мою руку.

«Дерьмо. Вот и все. Перегрузка».

Но эти кристально-голубые глаза были полны удивления, благоговения и – Боже, помоги мне, – желания.

– Ты так хорош. – Она закатала рукав своей уродливой бежевой рубашки. – Сейчас ужасная жара, но у меня мурашки по коже. Посмотри.

Ее бледная, идеальная рука была покрыта гусиной кожей.

– У тебя красивый голос, – сказала Тея более чувственным тоном. – Грубый, глубокий и... сексуальный.

Я сглотнул. Господи, как я хотел ее поцеловать. Щеки Теи были пудрово-розовыми, и солнце блестело на ее волосах. Я хотел запустить в них руку, привлечь Тею к себе и поцеловать. Почувствовать ее улыбку на моей и ощутить сладость ее губ.

– И ты вдобавок играешь на гитаре?

– Д-д-да.

Она слегка встряхнулась, и ее глаза наполнились уже знакомым отчаянием.

– Боже, если бы только...

– Если бы только – что?

– Не знаю, – сказала она. – Мне так уютно с тобой. Это не имеет смысла. Мы не знаем друг друга. Ты первый человек, кого я увидела с тех пор, как вернулась.

– Тея...

– Что бы ни случилось, Джимми, пожалуйста, не прекращай мне петь. Хорошо?

Я тяжело сглотнул.

– Как ты думаешь, что произойдет?

Вопрос был не из числа одобренных Алонзо, но я должен был его задать. Я должен был понять, знала ли она.

– Я могу снова уйти, – сказала Тея странно глухим голосом. Она оглядела молчаливую землю под густым, тяжелым воздухом. Свою руку в моей. – Я не хочу снова уходить.

Я крепко сжал ее пальцы.

– Я тоже не хочу, чтобы ты ушла.

Ее глаза наполнились слезами, и она приблизилась ко мне.

– Джимми, – начала Тея, но остальная часть предложения была потеряна навсегда. Время истекло. Наши пять минут закончились.

Я видел, как исчезаю в ее глазах, а затем снова появляюсь, когда Тея оглянулась.

– Кто... – Она нахмурилась, вытащила свою руку из моей и сделала шаг назад.

«Вспомни меня, Тея. Пожалуйста».

Ее взгляд упал на мой бейдж.

– Джим?

Я кивнул, затаив дыхание.

– Сколько уже прошло?

Я выдохнул всю свою глупую, беспочвенную надежду.

– Два года, мисс Хьюз.

«Два года и пять минут».

Глава 8

Джим

Алонзо был в комнате отдыха, когда я привел Тею на рисование. Собирая ручки и бумагу, я чувствовал спиной его взгляд.

– Спасибо, Джим, – сказала Тея с яркой улыбкой. – Ты настоящий друг.

– Ага.

Друг. Не Марк Антоний. Не тот парень, который пел ей и вызвал у нее мурашки. Я снова был никем.

Идя к двери, я почувствовал себя больным.

– Выглядишь так, будто только что вернулся со свидания, которое пошло крахом, – заметил Алонзо.

– Рита попросила помочь, – сказал я, скрестив руки. – Вот я и помог.

Мой босс прищурился.

– Ага. Я нанял нового парня. Приступит через неделю. Это тоже поможет.

Я кивнул.

– Ты помнишь, что я сказал о мисс Хьюз?

Каждый мускул в моем теле напрягся, мой живот сжался.

– Помню.

– Постарайся, сынок, – сказал он, отталкиваясь от стены. – Потому что она никогда не вспомнит.

* * *

Той ночью я взял свою гитару и спел «Sweet Child O’Mine». Слова лились плавно. Я не колебался и не занимался самокопанием. Музыка заглушила привычный саундтрек моей жизни – грохот заборов, насмешки хулиганов и ядовитые комментарии Дорис.

Я пел Тее Хьюз. Вслух. Потому что ей понравился мой голос. У нее даже мурашки побежали. Она решила, что это сексуально.

«Это ее завело».

Я закопал эту мысль поглубже. Тея не сознавала, что происходит, и было неправильно мечтать о ее поцелуе. Но я мог позаботиться о ней. Защитить ее от оглушительного молчания разума. Может быть, сделать то, что миссис Маррен сказала мне много лет назад.

«Найди свой голос, Джим. Не позволяй ему исчезнуть лишь потому, что слова не даются легко. Или потому, что ты боишься показаться слабым. Ты не слабый. Не тогда, когда делаешь то, что правильно».

А правильно для меня присмотреть за Теей Хьюз.

Я убрал свою гитару и прочел пару страниц «Бойцовского клуба». Истории о парне, который создал другую версию себя. Сильнее, лучше, которому пофигу, что о нем думают. У кого не было недостатков. Не было заикания.

Я читал, пока мои веки не опустились, а затем заснул.

Мне снилось, что у меня две личности, как у рассказчика из «Бойцовского клуба», и я встретился с двумя личностями Теи Хьюз. Мы четвером стояли перед картиной в фойе санатория «Голубой хребет»: двое ненормальных, заика-санитар и резидентка с неизлечимым повреждением мозга. Санитар выполнил свою работу и осторожно помог резидентке вернуться в темные пределы санатория.

Но прекрасная художница взяла за руку парня без заикания и вывела его на свет дня.

* * *

В то утро перед сменой я сидел за рабочим столом с Ритой, Хоакином и старшей медсестрой Анной Саттон. За закусками и газировкой они костерили какой-то сериал на «Нетфликсе», который смотрели последнее время, а я придумывал способ упомянуть Тею, не походя на одержимого психа.

– Каков наш бюджет на мероприятия в залах отдыха? – спросил я при первом же затишье. Все головы повернулись ко мне.

– Почему ты спрашиваешь? – поинтересовалась Анна.

– Мистер Уэбб каждый день собирает один и тот же пазл, – пояснил я. – А Тее Хьюз нужны материалы получше. Холст. Настоящие краски и кисти. Каков бюджет, можно ли купить что-то новое?

Анна сухо посмотрела на меня.

– Мистер Уэбб каждый день собирает один и тот же пазл, потому что это часть его терапии. Когда он будет готов к новому, начнет новый.

«Твою мать. Промашка».

– Что касается бюджета, – продолжила она, – у нас его нет. Санаторий «Голубой хребет» – редкость. Мало кто занимается исключительно травмами головного мозга. Деньги идут на то, чтобы продолжать держаться на плаву. Платить людям зарплату.

– Да и зачем мисс Хьюз холст? – спросил Хоакин. – Она и не помнит, что у нее только бумага. Не отличает одно от другого.

Вдох. Выдох.

– А если отличает?

Хоакин рассмеялся и пнул меня.

– Наш новый нейропсихолог, доктор Джим Уилан, прошу любить и жаловать.

Я стиснул кулаки под столом.

«Ага, давай расскажи им про цепочки слов, – фыркнула Дорис. – Это ж такое открытие для людей, кто уже годами работает с Теей».

– Настоящий нейропсихолог уже сто раз ее проверял, – напомнила Анна. – Мисс Хьюз отвергает все, что подхватил ее мозг. Конец истории.

– Разве это не память? – спросил я.

– Нет, Джим, – медленно сказала Анна, как будто я был ребенком. – Это рутина. Она ничего не может вспомнить, поэтому не знает о качестве своей жизни, пока мы поддерживаем ее спокойствие.

Рита положила руку мне на руку.

– Это тебя беспокоит? Что мисс Хьюз страдает?

– Как она может не страдать?

– Потому что она не может вспомнить, – отрезала Анна, бросая на Риту тяжелый взгляд. – Без осознания ситуации откуда взяться страданию?

Это звучало правдоподобно, но зуд в глубине души не давал мне покоя.

– Почему она так легко принимает свою ситуацию – где бы, с кем бы она ни очнулась, – когда происходит перезагрузка?

– Алонзо тебе не объяснил? – спросил Хоакин.

Я скрестил руки.

– Я хочу услышать еще раз.

– Мисс Хьюз после аварии ничего не принимает, – ответила Анна. – Прошли месяцы, прежде чем она перестала каждый раз впадать в истерику. Теперь мисс Хьюз спокойна, потому что под всеми наворотами самая основная функция мозга – выживание. – Она встала, сжав

губы и проверяя свои маленькие золотые часы. – Время вышло. Вы удовлетворены, доктор Уилан?

Я пожал плечами. «Даже близко нет».

Хоакин хлопнул меня по плечу.

– Если бы у мисс Хьюз было что-то еще, кто-нибудь из этих умников-нейропсихологов уже бы это вычислил.

– А они все еще проверяют? Как насчет этого нового доктора? Кристины Чен?

Он пожал плечами.

– Уход за резидентами не моя забота – и не твоя. Если Делия Хьюз узнает, что ты балуешься с ее сестрой, она тебя выкинет.

Потому что у Теи будет краска вместо чертовых маркеров? Или немного музыки? Лучшая жизнь?

Когда остальные ушли, я повернулся к Рите.

– С чего Делии беспокоиться, если мы дадим ее сестре холст?

– У нее есть свои причины, – мягко сказала Рита. – Делия защищает сестру. Боится расстроить ее, боится любой публичности. А еще следит за деньгами.

– Какими деньгами?

– После родителей им досталась страховка, по миллиону долларов каждой. Финансирование «Голубого хребта» не равномерное. Иногда у нас случаются сокращения. Делия хочет сберечь каждую монету, если Тее придется переехать куда-то еще. Она осторожничают.

«У нее миллион долларов в банке, а она не купит своей сестре чертову краску?»

– Бессмыслица.

Рита проверила свои часы и встала, чтобы уйти.

– Это мило, что ты хочешь улучшить жизнь мисс Хьюз. Но если купишь ей холст и краску, она забудет обо всем, как только они исчезнут из виду.

«Но в тот момент обрадуется. Это не считается?»

– Рита.

Она остановилась у двери и посмотрела на меня.

– Я думаю, что она знает, – сказал я.

– Не знаю, дорогой, но ей не больно.

– Но...

– Как и сказала Анна, если она не осознает свою ситуацию, то не страдает.

– А если осознание глубже сознания?

– Без сознания нет осознания. – Она мягко улыбнулась. – Вот почему это называют бессознательным.

Я потер лицо руками.

– А как насчет музыки? Тея любит танцы и техно.

– Она иногда слушает классическую станцию. Так велела Делия. Она вычитала, что Моцарт благоприятно влияет на мозг.

– И все? Это все развлечения Теи?

– Ну нет. У нее есть телевизор. Ее любимый сериал – «Офис». Тея смотрит его, хотя не знаю, следит ли она за сюжетом. Как и все здесь, это просто рутина. – Она нежно улыбнулась мне. – И когда я выключаю радио или телевизор, она не помнит, что они вообще были включены.

Выражение ее лица было полным жалости. Хоакин выглядел удивленным. Анна хотела, чтобы я занялся своим делом и прекратил пытаться диагностировать сложный неврологический случай, для которого у меня не было знаний или образования. Они все разочаровались в Тее.

Рита сунула голову обратно в комнату.

– Пока не забыла, Джим, ты не можешь вывести мисс Хьюз на прогулку сегодня, в час? Я знаю, у тебя перерыв, но...

– Да, могу.

Потому что я не собирался от нее отказываться.

Глава 9

Джим

Время до часа тянулось вечность. Я вытащил из своего шкафчика телефон и наушники и сунул их в карман. Подошел к Тее в столовой. Перед ней стояла недоеденная тарелка сыра, крекеров и нарезанных зеленых яблок. Я позволил ей увидеть меня первым.

– Сколько уже прошло?

– Два года.

Она кивнула.

– Я только вернулась. Вы первый человек, кого я вижу. – Она посмотрела на мою табличку с именем. – Привет, Джим. Я Тея.

– Хочешь пойти погулять и подышать свежим воздухом?

Ее улыбка была до боли потрясающей.

– С удовольствием.

Мы вышли через заднюю дверь в душную жару летнего дня. Вместо того, чтобы осунуться от духоты, Тея ожила. Несмотря на унылую одежду, она была яркой и красивой. Я подозревал, что Тея Хьюз до аварии не носила брюки цвета хаки и лоферы.

– Это так мило, Джим, – сказала она. – Джим – это от Джеймса?

– Можешь называть меня Джимми, – сказал я, потому что мне надоел наш обычный сценарий.

Она со смехом подтолкнула мою руку.

– Мысли читаешь? Я как раз собиралась попросить. Ты Джимми. У тебя добрые глаза.

По крайней мере, эту фразу я мог слушать еще сто раз.

– Так тихо, – сказала Тея.

Я сжал телефон и наушники в кармане, размышляя, а такая ли хорошая идея дать ей музыку. Вдруг она сорвется? Но пятиминутный мир Теи всегда был тих, а я устал гадать. Так чертовски надоело ничего не делать.

– Я думал о том же, – медленно сказал я. – Любишь музыку?

«Музыка – это жизнь».

– Люблю? Музыка – это жизнь. Какую ты слушаешь?

Я не позволил ей перевести разговор на меня.

– Всего понемногу. Что нравится тебе?

– Танцевальная и техно. – Она нахмурилась. – Забавно... Не могу вспомнить ни одного исполнителя.

– погоди, – сказал я, вытаскивая телефон и наушники. Быстро прокрутил плей-лист популярных танцевальных песен. Первым всплыл «Bad Romance» Леди Гаги.

– Попробуй это. – Я дал ей наушники, нажал на воспроизведение и подобрался.

Лицо Теи мгновенно озарилось радостью, и она начала качать головой с закрытыми глазами, слушая свою любимую музыку, возможно, впервые за два года.

– Боже мой, это потрясающе! – воскликнула она. – Вот. Послушай сам.

Она взяла один наушник и отдала мне. Мы стояли посреди полудня, лицом к лицу. Она растворилась в музыке, а я – в ней. Я никогда в жизни не видел ничего столь прекрасного. Она качалась точно ива, стройная и нежная, а я был дубом, пустившим корни перед ней. Между ней и миром, защищая ее изо всех сил.

Песня закончилась, и Тея достала наушник.

– Я хочу твою любовь... Любовь, любовь, любовь...

Я уставился на нее. «Это слова песни, идиот. Она не про тебя».

Тея засмеялась и игриво толкнула меня.

– Мне понравилось, но тебе она совсем не подходит. Ты не любитель танцев и клубов, я права?

– На самом деле, нет.

Она коснулась пальцами мышц моего предплечья.

– Я не могу представить тебя на танцполе. Ты был бы вышибалой в клубе, следил бы, чтобы все вели себя хорошо. Марк Антоний. Слышал о Марке Антонии?

– Вроде бы.

– Марк Антоний был генералом, который воевал за Юлия Цезаря во время гражданской войны. После смерти Цезаря Антония отправили в Египет, где правила Клеопатра. У них был роман, который едва не спровоцировал новую войну. Клеопатра очень любила Марка Антония. Сильный. Благородный. Солдат, но такой, кто сражается лишь потому, что должен. – Она подняла глаза к моим. – Ты выглядишь так, будто ты бы сражался, но только если бы пришлось.

– Только если бы мне пришлось.

«Я буду сражаться за тебя».

Мы не могли отвести друг от друга взгляда, затем Тея глубоко вздохнула.

– О боже, Джимми, – сказала она, широко раскинув руки. – Я чувствую себя такой живой.

– Да?

– Как будто только что выпила шесть энергетиков или что-то в этом роде. – Ее улыбка стала теплой и кокетливой, и Тея постучала по моему телефону. – У тебя не найдется еще одной песни для меня?

– У меня их сотни.

Она подняла свои кристально-голубые глаза, и на одно драгоценное мгновение что-то глубоко внутри нее соединилось с чем-то глубоко внутри меня, так сильно и мгновенно, что моя грудь сжалась, пытаясь удержать выбитый воздух. Глаза Теи расширились, улыбка расцвела у нее на губах. Внутреннее сияние прорвалось сквозь трещины покалеченного рассудка, и я увидел ее. Ту девушку, которую, если бы у нас было больше пяти минут, я бы сделал своей.

Но только я почувствовал сладкий вкус слова «своя», как знакомая растерянность прокатилась по лицу Теи. Она перезагружалась. Я перезагружался, превращаясь из защитника в угрозу. Из друга в незнакомца. Из Джимми в...

«Пустое место, – закончила Дорис. – Ты никто».

У меня чесались руки схватить Тею и держать, чтобы я не исчез.

Она отступила назад.

– Кто?..

– Джимми, – сказал я. – Меня зовут Джимми.

* * *

Мы проиграли эту сцену трижды. Трижды я ждал, пока завеса ее разума закроется и снова откроется, и мы начнем все сначала. Как актеры в кино, что читают сценарий, только камеры и съемочной группы не видно. Те же слова, дубль за дублем.

Каждый раз смущение проникало в ее глаза, стирая все вокруг. Стирая наши пять минут. Стирая кем и чем мы были друг для друга.

«Ничем. Мы никто друг для друга, потому что ей нечего тебе дать. Никак».

В конце концов мы вернулись внутрь, по-прежнему каждый со своим наушником, вместе слушая танцевальную песню. Сели за столом Теи, все еще связанные, а в наших ушах гремело техно.

– Тебе нравится? – спросил я. – «BOOM» от «X Ambassadors».

Тея кивала в такт.

– Очень.

«Ей нравится. Она счастлива. И пусть Делия идет в...»

– Что здесь происходит?

Я вздрогнул, и наушник выпал из моего уха. Делия Хьюз стояла у стола, ее пристальный взгляд метался между мной и сестрой.

– Делия! – Тея вскочила на ноги и сразу замерла, застигнутая перезагрузкой. Я проследил, чтобы все было в порядке, пока Тея не очнулась, затем повернулся к ее сестре.

– Здравствуйте, мисс Хьюз.

Делия открыла рот – и уж явно не поблагодарить меня за отличную работу. Но Тея обняла стол и обняла ее за шею.

– Ты здесь. Сколько уже прошло? Где мама и папа?

Голос Делии был каменным.

– Два года, и они уже в пути.

– Я так рада, что ты пришла. – Тея снова обняла Делию, затем остановилась, увидев меня. Скромная, мягкая улыбка появилась на ее лице. – Ой. Привет.

– Привет.

– Я Тея Хьюз. – Она протянула руку, и я потряс ее, утонув в дежавю.

– Джим Уилан.

– Так приятно с вами познакомиться. Это моя сестра Делия. – Тея рассмеялась над кислым взглядом своей сестры. – Боже мой, Дел, ты такая чудачка.

– Вы санитар, да? – спросила меня Делия. – Где медсестра Сото?

– Сегодня у нас нехватка рабочих рук, – пояснил я.

Делия поджала губы.

– Оно и видно. Что ж, я уже здесь. Можете идти.

Я посмотрела на Тею: та закатила глаза и беззвучно сказала «извини».

Час спустя я мыл коридор возле комнаты отдыха и увидел Риту, Алонзо и Делию. Они подняли глаза, когда я приблизился, и Делия повернулась ко мне, скрестив руки.

– Мы можем спросить его сами. Что ты делал с моей сестрой?

«Дерьмо. Меня сейчас уволят. Тея останется одна в тишине».

– Н-н-ничего, – сказал я. – Просто слушали музыку.

– Это входит в твои должностные инструкции?

– Н-н-нет.

– Нервничаешь? Чувствуешь себя виноватым? Что с тобой не так?

– Джим брал мисс Хьюз на ежедневные прогулки в те дни, когда я... – вмешалась Рита.

– Когда вы не могли, потому что у вас мало персонала, – закончила Делия. – Я плачу не за то, чтобы о Тее заботился санитар.

– Джим хороший работник, – сказал Алонзо. – Один из лучших.

Делия фыркнула, повесила сумочку на плечо и посмотрела на меня.

– Держись подальше от моей сестры, если не хочешь искать другую работу. Вряд ли с твоим заиканием это простая задача.

Глаза Риты расширились, а Алонзо опустил взгляд в пол. Наступило молчание. Каблуки Делии прогремели по коридору и стихли.

– Извини, Джим, – сказала Рита. – Она расстроена, потому что защищает Тею. Я поговорю с ней.

– Не надо, – возразил Алонзо. – Мы просто должны делать то, что она хочет.

– После ухода медсестры Фэй у меня еще три резидента на попечении, – сказала Рита. – Если Джим не будет водить ее, мисс Хьюз придется пропускать свои прогулки. Я объясню это Делии. Она поворчит, конечно, но в итоге разрешит, ведь она желает сестре добра.

Алонзо нахмурился.

– Полагаю. Но Джим не должен водить мисс Хьюз на прогулки, пока ты не получишь одобрение от Делии. Последнее, что нам нужно, – это чтобы она привлекла доктора Пула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.